В. М. Истринъ.

ГРЕЧЕСКIЕ СПИСКИ

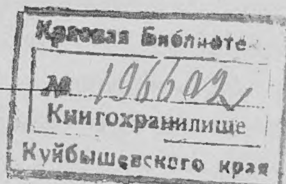
ЗАВѢЩАНIЯ СОЛОМОНА.

ОДЕССА.
«Экономическая» типографiя, Почтовая улица, домъ № 43.
1898.

В. М. Истринъ.

ГРЕЧЕСКІЕ СПИСКИ

ЗАВѢЩАНІЯ СОЛОМОНА.

ОДЕССА.
«Экономическая» типографія, Почтовая улица, домъ № 43.
1898.

Печатано на основаніи постановленія Правленія Историко-Филологическаго Общества при Императорскомъ Новороссійскомъ Университетѣ.

Предсѣдатель Общества:
Заслуженный ординарный профессоръ Александръ Кочубинскій.

Въ 122 томѣ Patrologiae graecae Миня изданъ греческій апокрифъ подъ именемъ Testamentum Solomonis. Апокрифъ разсказываетъ о сношеніяхъ Соломона съ демонами, среди которыхъ особенно выдаются — Ὀρνίας, Βεελζεβούλ, Ἐφίππας. Они являются главными дѣйствующими демонами, которые исполняютъ Соломону различныя порученія. Разсказъ о нихъ занимаетъ начало и конецъ апокрифа, средина же заполнена сказаніемъ объ явленіи Соломону тридцати шести демоническихъ существъ, разсказывающихъ ему о своихъ свойствахъ. Это «Завѣщаніе Соломона» извѣстно было до сихъ поръ въ одномъ спискѣ. Я встрѣтилъ среди рукописей еще три списка неполныхъ, но могущихъ дать нѣсколько замѣчаній о составѣ апокрифа. Эти списки слѣдующіе: 1) Афонскаго Андреевскаго скита № 73, XV в. (я буду называть его Андреевскимъ сп. и обозначать *Андр.*); 2) Афонскаго монастыря Діонисіата № 132, XVI в. (буду называть его Діонисіатскимъ и обозначать чрезъ *Діон.*) и 3) Парижской Національной Библіотеки de supplem. grec. № 500, XVII в. (буду называть Парижскимъ и обозначать *Пар.*). Всѣ три списка сравнительно съ изданнымъ отличаются краткостью, но относительно двухъ изъ нихъ — *Пар.* и *Андр.* можно сказать, что эта краткость въ нѣкоторыхъ мѣстахъ объясняется случайностью —

потерей нѣсколькихъ листовъ; по крайней мѣрѣ, это вполнѣ справедливо по отношенію къ Парижскому списку. Разсмотрю каждый списокъ отдѣльно.

Андреевскій списокъ начинается такимъ же заглавіемъ, что и изданный: «Завѣтъ Соломона, сына Давида, какъ онъ царствовалъ въ Іерусалимѣ и господствовалъ и сдѣлалъ всѣ великія (ὑπερβάλλοντα) дѣла божія». Здѣсь замѣчается пропускъ, восполняемый изданнымъ и *Пар.* списками: «надъ какими демонами онъ господствовалъ» и далѣе уже одинаково продолжается: «какая власть имъ (т. е. демонамъ) дана надъ людьми и какими ангелами они укрощаются». Дѣйствіе открывается сказаніемъ о построеніи храма Іерусалимскаго. Когда строился храмъ и всѣ работники трудились, повадился ходить демонъ Ὀρνίας съ заходомъ солнца и похищалъ у перваго мастера, еще юноши, половину даваемой ему пищи и сосалъ у него большой палецъ правой руки; юноша сталъ сильно худѣть, что Соломонъ и замѣтилъ. Такъ разсказывается въ *Андр.* и въ печатномъ спискахъ. Въ *Пар.* встрѣчаемъ небольшое поясненіе, что это былъ за юноша. При постройкѣ храма, говорится въ *Пар.*, былъ одинъ юноша, проявлявшій особенное усердіе въ работѣ и своимъ примѣромъ дѣлавшій другихъ мастеровъ болѣе усердными. Слышавшіе о юношѣ всѣ радовались его усердію, и Соломонъ сильно возлюбилъ его и давалъ ему ежедневно двойную противъ другихъ порцію пищи и питья. Демонъ же позавидовалъ усердію юноши и сталъ приходить каждый день и отнимать у него половину его порцій. — Изъ *Пар.* сп., такимъ образомъ, узнаемъ, за что отрокъ получалъ двойную порцію. Въ *Діон.* сп. мы находимъ въ началѣ другой разсказъ (объ этомъ ниже), но сказаніе о построеніи храма начинается именно такъ, какъ въ *Пар.*, хотя и сокращенно: «ἔσχε δὲ ἕνα ἀπὸ τῶν παίδων αὐτοῦ ποθεινότατον παρὰ πάντας. τὰ γὰρ

σιτία καὶ τὰς τροφὰς καὶ τὰ ἱμάτια ἐπὶ τὸ διπλοῦν παρεῖχεν αὐτῷ. Вдругъ Соломонъ замѣчаетъ, что юноша теряетъ свою красоту (ἀηδὴς τῇ ὄψει καὶ τὸ πρόσωπον ἀκαλλώπισμος), и узнаетъ отъ него причину этого. Изложенiе *Пар.* и *Дiон.* представляется болѣе правдоподобнымъ, такъ какъ при такомъ изложенiи демонъ Ὀρνίας не является неожиданно, безъ всякой причины: его появленiе объясняется завистью.

Въ дальнѣйшемъ изложенiи мы постоянно встрѣчаемъ смѣшенiе перваго лица съ третьимъ: рѣчь идетъ то отъ лица Соломона то отъ третьяго лица. Когда отрокъ разсказалъ Соломону, какъ къ нему приходитъ демонъ и что̀ онъ съ нимъ дѣлаетъ, Соломонъ вошелъ въ храмъ и молился цѣлый день и ночь, прося Бога отдать демона ему во власть. «И когда я молился Саваофу, разсказывается въ *Андр.* сп., «дана была мнѣ милость чрезъ архангела Михаила, а именно—перстень съ печатью изъ драгоцѣннаго камня; при этомъ архангелъ Михаилъ сказалъ мнѣ: «Возьми этотъ перстень, и при помощи его ты построишь храмъ и будешь властвовать надъ всѣми демонами». Соломонъ тогда призвалъ отрока, далъ ему перстень и велѣлъ ему положить его на грудь демона, когда тотъ придетъ, и сказать ему: «Во имя Бога зоветъ тебя царь Соломонъ». Отрокъ такъ и сдѣлалъ. Въ *Андр.* сп. здѣсь небольшой пропускъ, восполняемый другими списками. Отрокъ взялъ перстень и при помощи его овладѣлъ демономъ и заставилъ его идти къ Соломону, хотя демонъ предлагалъ ему дать все золото и серебро мiра, лишь бы только отрокъ отпустилъ его. *Дiон.* сп. имѣетъ ту особенность, что Соломонъ отъ архангела же Михаила узнаетъ способъ поймать демона и затѣмъ уже научаетъ ему отрока.

Въ дальнѣйшемъ изложенiи является различiе между списками *Андр.*, *Пар.* и печатнымъ, съ одной стороны, и *Дiон.*—съ другой. Въ *Андр.* сп. встрѣчаются пропуски, но

они дополняются списками — *Пар.* и изданнымъ. Въ этихъ трехъ спискахъ разсказывается слѣдующимъ образомъ. Когда демонъ Ὀρνίας былъ приведенъ къ Соломону, последній послѣ краткаго разспроса объ его свойствахъ — причемъ узнаетъ, что онъ потомокъ Урiила, — приказываетъ ему тесать для храма камни, привезенные изъ Аравiи. Но боясь желѣза, демонъ проситъ Соломона освободить его отъ такой работы и обѣщаетъ ему привести за то всѣхъ демоновъ. Соломонъ, видя, что демонъ не желаетъ ему повиноваться, воззвалъ къ помощи Урiила, который, сойдя съ неба, приказалъ выдти изъ бездны морскому киту, и бросилъ судьбу свою на землю и она покорила великаго демона (καὶ ἔρριψεν αὐτοῦ τὴν μοῖραν ἐπὶ τῆς γῆς κἀκείνη ὑπέταξεν τὸ δαιμόνιον μέγα); затѣмъ онъ приказалъ демону колоть камни. «И я, Соломонъ», говорится далѣе, «возблагодарилъ Бога и приказалъ демону придти съ судьбой его (σὺν τῇ μοίρᾳ αὐτοῦ), далъ ему перстень и приказалъ привести къ себѣ старшаго изъ всѣхъ демоновъ». Въ *Андр.* разсказъ прерывается, но въ изданномъ и *Пар.* разсказывается, что Ὀρνίας привелъ къ Соломону Велзевула. Соломонъ пожелалъ узнать, между прочимъ, есть ли демоны женскаго пола, и Вельзевулъ приказалъ придти Оноскелидѣ (ὀνοσκελίδα); послѣ нея къ Соломону является Асмодей, который разсказываетъ о своихъ свойствахъ. На этомъ прерывается *Пар.* списокъ, и источникомъ нашихъ свѣдѣнiй служитъ только изданный списокъ. Тутъ и идетъ подробное описанiе явленiя Соломону тридцати шести демоническихъ существъ. Послѣ сказанiя объ явленiи послѣдняго демоническаго существа слѣдуетъ какъ бы заключенiе. «Была тишина», говоритъ самъ Соломонъ, «по всей землѣ и я царствовалъ въ мирѣ, прославляемый всѣми людьми. Достроилъ я храмъ Божiй и городъ Iерусалимъ пребывалъ въ радости. Всѣ цари земные приходили ко мнѣ видѣть

храмъ и, наслушавшись моей мудрости, дарили мнѣ на храмъ золото, серебро и т. п. И сама царица юга приходила ко мнѣ и поклонилась предъ лицемъ моимъ. И всѣ сыны Израиля прославили Бога». —Такимъ образомъ, видимъ, что здѣсь повѣствованіе какъ бы оканчивается; заключеніе является вполнѣ естественнымъ.

Подробное сказаніе, читающееся въ изданномъ спискѣ, въ *Діонис.* замѣнено краткой замѣткой, именно слѣдующей. Когда къ Соломону приведенъ былъ демонъ Ὀρνίας, то Соломонъ приказалъ привести къ себѣ всѣхъ демоновъ И пришли они всѣ и поклонились ему. Соломонъ спросилъ каждаго демона объ его имени и дѣятельности и какому ангелу каждый повинуется. И демоны сказали Соломону, что̀ онъ спрашивалъ. Соломонъ приказалъ имъ работать надъ храмомъ и каждый изъ демоновъ исполнялъ свое дѣло, къ которому былъ приставленъ. И можно было видѣть необычайное чудо, какъ люди вмѣстѣ съ демонами строятъ храмъ со всѣмъ стараніемъ и усердіемъ и демоны не осмѣливаются производить возмущенія и обижать людей. — Здѣсь нѣтъ заключенія, храмъ является еще строющимся, и далѣе передается одинъ эпизодъ съ однимъ изъ участниковъ постройки. Возникаетъ вопросъ, что наиболѣе древне: полный ли разсказъ есть распространеніе краткаго, или, наоборотъ, краткій — сокращеніе полнаго. Вопроса этого я коснусь ниже, а пока продолжу сравненіе текстовъ.

Упомянутымъ эпизодомъ съ однимъ изъ работниковъ сказаніе возвращаетъ насъ къ демону Ὀρνίας. Здѣсь опять сходятся всѣ три текста, только въ *Андр.* начало эпизода исчезло. Изданный списокъ вмѣстѣ съ *Андр.* составляютъ въ данномъ случаѣ одну группу, особенность которой состоитъ въ томъ, что разсматриваемый эпизодъ разрывается въ ней на двѣ части разговоромъ Соломона съ демономъ, тогда какъ въ *Діон.* эпизодъ передается безъ перерыва, а

разговоръ Соломона съ демономъ слѣдуетъ уже за нимъ, что, какъ увидимъ, вполнѣ естественно. Указываемый эпизодъ, аналогичный тому, который встрѣчается въ русскихъ сказаніяхъ о Соломонѣ и Китоврасѣ, имѣетъ своимъ предметомъ способность демоновъ знать будущее. Однажды къ Соломону пришелъ одинъ изъ работающихъ при храмѣ съ жалобой на своего сына. Соломонъ сталъ ихъ судить. Демонъ Ὀρνίας, стоявшій около Соломона, усмѣхнулся. Увидавъ его смѣхъ, Соломонъ велѣлъ всѣмъ отойти отъ него въ сторону и спрашиваетъ: «Надъ чѣмъ ты смѣешься, надъ царствомъ ли моимъ, или надъ судомъ, или надъ храмомъ»? Демонъ отвѣчаетъ, что онъ смѣется надъ этими тяжущимися несчастными: не пройдетъ и три дня, какъ сына постигнетъ конецъ. Тогда Соломонъ приказалъ и сыну и отцу идти обратно на работу и чрезъ пять дней придти опять къ нему. Чрезъ пять дней старикъ пришелъ и съ плачемъ объявилъ Соломону, что на третій день послѣ суда его сынъ умеръ, повергши его тѣмъ въ глубокую горесть. Соломонъ утѣшилъ его указаніемъ на волю божію, а самъ призвалъ демона и сталъ разспрашивать, какимъ образомъ демоны узнаютъ будущее. — Такъ передается въ сп. *Діон.* Въ *Андр.* и печатномъ сп. эпизодъ, какъ сказано, прерывается разговоромъ Соломона съ демономъ: когда демонъ объяснилъ Соломону причину своего смѣха, то послѣдній отослалъ тяжущихся назадъ, а самъ сталъ разспрашивать демона объ его способности знать будущее. Такая особенность въ изложеніи существеннаго значенія не имѣетъ и принадлежитъ всецѣло особенному вкусу редактора. Кромѣ распорядка матеріала, *Діон.* сп. отличается въ данномъ случаѣ отъ другихъ большими подробностями, особенно во второй части. Въ сп. *Андр.* и печатномъ читается такъ: καὶ ἐλθὼν πρός με ὁ ἄνθρωπος κατὰ πένθος καὶ μεμελαμένῳ τῷ προσώπῳ αὐτοῦ, καὶ λέγει πρὸς

αὐτόν· «εἰπέ, πρεσβύτα, ποῦ ἐστὶ ὁ υἱός σου καὶ τί τὸ σχῆμα τοῦ προσώπου σου»; ὁ δὲ ἔφην· ἰδού, κύριε, ἄπαις ἐγενόμην καὶ ἀνέλπιστα τάφῳ υἱοῦ παρακαθέζομαι, ἤδη γὰρ ἡμέρας δύο νεκροῦ γεγονότος (*Андр.*). Соломонъ не даетъ ему никакого утѣшенія. Иначе въ *Діонис.*, гдѣ рѣчь идетъ къ тому-же отъ третьяго лица, а не отъ лица Соломона: παρελθουσῶν οὖν τῶν πέντε ἡμερῶν ἦλθεν ὁ γέρων πρὸς τὸν βασιλέα κατηφὴς καὶ σκυτρωπὸς καὶ δάκρυα πρὸ τῶν ὀμμάτων ἀφείς φησι· «βασιλεῦ, τέθνηκεν ὁ ἐμὸς υἱὸς καὶ οὐκ ἔστι ἴδῃς αὐτόν, ἐμὲ δὲ ἀνέλιπεν ἐν πένθει βαρυτάτῳ καὶ ὀδύνῃ καρδίας καὶ ἀφορήτῳ στεναγμῷ. οὐκέτι γὰρ βλέψω αὐτόν, οὐκέτι τὸ πρόσωπον ἐκείνου θεάσομαι. κατεκρύβη γὰρ ἐν τόπῳ ἀφεγγεῖ ἐν γῇ σκοτεινῇ ἐν γῇ ζοφερᾷ». ἐκπλαγεὶς οὖν ταῦτα ὁ βασιλεύς φησι· «ποίαν ἡμέραν τέθνηκεν»; καί φησι ὁ γέρων· «μετὰ τρίτην ἡμέραν ἀπέθανεν ἀφότου πρὸς τὸ σὸν κράτος ἤλθαμεν». καὶ λέγει ὁ βασιλεύς· «ἄπελθε ἐν εἰρήνῃ, ὦ γέρον. κύριος δὲ ὁ θεὸς ὁ πατὴρ τῆς παρακλήσεως καὶ παραθυμία τῶν θλιβομένων παρακαλεσάτω τὴν καρδίαν εἰς τὸ μηκέτι λυπεῖσθαι. μνήσθητι γάρ, ὅτι ὁ σὸς υἱὸς ἄνθρωπος ἦν. πᾶς δὲ ἄνθρωπος θνητὸς ἦν. μὴ τοίνυν λυποῦ. οὐ γὰρ ἀνύσεις οὐδὲν ὧν βούλεται». ταῦτα ἀκούσας ὁ γέρων ἀπῆλθεν ἀναψυχθεὶς τὴν καρδίαν.

Разсматриваемый эпизодъ, какъ сказано, представляетъ параллель такому же, извѣстному изъ русскихъ списковъ. Когда Китовраса по приказанію Соломона вели къ нему, то «вѣдомъх сквозѣ торгъ и слыша моужа рекоуща: нѣс ли черевии на з҃ лѣ, и росмеяся Китоврас»... Бысх Соломонъ впрашаа Китоврас: «почто ся еси росмѣял моужа прашающа на з҃ лѣт черевіи. И реч Китоврас: видех на нем, ꙗко не будет по з҃ днеи живъ» (*Пыпинъ*, Памятн. стар. русск. литер. III, стр. 51—52). Это одинъ изъ ходячихъ мотивовъ, примѣненныхъ, между прочимъ, и къ Китоврасу — демону. Расходясь по всѣмъ странамъ, онъ былъ приложенъ впослѣдствіи къ святымъ, наложившимъ на себя

обѣтъ молчанія и улыбнувшимся, когда однажды пришлось услыхать то, что слышалъ Китоврасъ.

На вопросъ Соломона 'Орνίας поясняетъ, какимъ образомъ демоны узнаютъ будущее. Тутъ мы опять встрѣчаемся какъ бы съ заключеніемъ. Въ *Діон.* добавляется, что всѣ цари приходили къ Соломону и даже сама царица юга, мудрая Сивилла. Въ другихъ спискахъ царица называется обыкновенно ἡ βασίλισσα Νότου. Но имя Сивиллы встрѣчается на ряду съ именемъ Соломона. Какъ царица юга она является въ славянскихъ сказаніяхъ о приходѣ ея къ Соломону и о состязаніи съ нимъ загадками — «пріиде црци оуская иноплеменица Сивелина хотя искоусити црѧ Соломона загами» [1]). Въ другихъ сказаніяхъ Сивилла является въ эпизодѣ съ крестнымъ древомъ, которое Соломонъ хотѣлъ положить въ основаніе крыши строющагося храма. При построеніи храма Соломону удалось добыть дерево, которое посадилъ Моисей; когда принесли его въ Іерусалимъ, то не знали, какъ его поставить на верхъ; «чю и Сивила ѡ дрѣве и прииде видѣти и седѣ на дрѣве и огоре еи задница. тога Сивила ре: «ѡ трьклѣтое дрѣво». вьси людіе единогласно вьзѹпише: «ѡ трьблженное древо, на немже распнетсе гь» [2]). Греческаго оригинала этому сказанію пока мы не знаемъ, но смѣшеніе Сивиллы съ царицей юга извѣстно изъ хроникъ. Это смѣшеніе Сивиллы съ царицей юга или, иначе, царицей Савской проходитъ чрезъ многія западныя легенды. Въ одной латинской легендѣ, составленной въ 1170 г., разсказывается, что Соломонъ хотѣлъ употребить для храма дерево, выросшее надъ главой Адама, но оно оказывалось

---

[1]) *Тихонравовъ*, Пам. Отр. Лит. I, 271.

[2]) Ibid., I, 311.

то очень длиннымъ то очень короткимъ, такъ что Соломонъ, не зная, что съ нимъ дѣлать, сдѣлалъ изъ него мостъ, по которому должна была пройти царица Савская. Этотъ мотивъ легъ въ основанiе другой латинской легенды, относящейся къ XIII вѣку. Въ послѣдней царица Савская отдѣляется отъ пророчицы. Когда Соломонъ хотѣлъ воспользоваться для храма деревомъ, выросшимъ надъ головой Адама, то никакъ не могли его употребить въ дѣло. Тогда Соломонъ велѣлъ положить его передъ храмомъ и поклоняться ему. Однажды пришла одна женщина, по имени Максилла, къ храму и, когда она поставила свою ногу на дерево, то воспламенилась ея одежда и она воскликнула: «Господь мой и Богъ, Iисусъ мой!» Услыхавъ эти слова, iудеи побили ее камнями, такъ что она была первой мученицей за имя Христа. Въ своемъ гнѣвѣ iудеи бросили дерево въ колодезь, но сошелъ съ неба ангелъ и совершилъ нѣсколько удивительныхъ исцѣленiй. Когда iудеи о томъ узнали, они вытащили дерево изъ колодца и сдѣлали изъ него перекладину чрезъ ручей, чтобы уничтожить всякое воспоминанiе о чудесахъ. Когда пришла царица востока въ Iерусалимъ, то она перешла по дереву черезъ ручей съ непокрытой головой, выразивъ тѣмъ свое почтенiе къ дереву. Здѣсь еще нѣтъ смѣшенiя, но напр. въ одномъ нижненѣмецкомъ стихотворенiи изъ XIV вѣка пророчица Сивилла отождествлена съ царицей Савской [1]). Имѣя въ настоящемъ случаѣ смѣшенiе Сивиллы и царицы Савской въ греческомъ текстѣ, мы должны и въ соотвѣтствующихъ западныхъ сказанiяхъ видѣть отзвукъ старыхъ еще византiйскихъ преданiй. Вмѣстѣ съ тѣмъ мы видимъ любопытную перестановку въ западной и русской легендахъ объ

---

[1]) *Kampers*, Mittelalteriche Sagen vom Paradiese und vom Holze des Kreuzes Christi, Köln, 1897, стр. 109—112.

отношеніи Сивиллы къ дереву. Въ русской — Сивилла называетъ дерево треклятымъ, а народъ, протестуя противъ такого названія, восклицаетъ — «о треблаженное древо, на немъ же распяся Христосъ». Въ латинской легендѣ, наоборотъ, народъ побиваетъ камнями пророчицу. Но мы имѣемъ сказаніе о древѣ крестномъ, гдѣ слова народа перенесены на Сивиллу — это сказаніе, приписываемое Северіану, епископу Гевальскому, Сивилла говоритъ: «о треблаженное древо, на немъ же распнется Христосъ, Царь и Господь» [1]. Какъ происходило здѣсь видоизмѣненіе и въ какомъ видѣ передавала этотъ эпизодъ первоначальная легенда, пока сказать что-нибудь утвердительное было бы затруднительно.

Возвращаюсь къ апокрифу. Мы встрѣчаемся съ новымъ сказаніемъ, въ которомъ фигурируетъ новый демонъ, по имени Ἐφίππας. И здѣсь мы замѣчаемъ небольшое различіе между *Діонис.* спискомъ, съ одной стороны, и *Андр.* съ печатнымъ — съ другой. Въ *Діон.* сп. разсказъ таковъ. Царь Аравійскій прислалъ Соломону письмо, въ которомъ просилъ помощи отъ необыкновеннаго страшнаго демона: въ продолженіе трехъ дней поднимается страшный вѣтеръ, уничтожающій все на пути. Если Соломонъ поможетъ избавиться отъ него, то царь обѣщается дать ему золота, серебра и мѣди сто двадцать пять талантовъ. Соломонъ призвалъ отрока, хранившаго перстень, велѣлъ осѣдлать верблюда, взять пустой мѣхъ и отправиться въ землю Аравійскую и далъ такое наставленіе: придти на мѣсто, гдѣ дуетъ πονηρὸν πνεῦμα, и тамъ положить мѣхъ съ от-

---

[1]) Памятн. старин. русск. литерат. III, 83. Уже при корректурѣ только я могъ познакомиться съ публикаціей проф. Карскаго западнаго русскаго сказанія о Сивиллѣ пророчицѣ по рукописи XVI вѣка (отдѣльный оттискъ изъ Варшавскихъ Университетскихъ Извѣстій № II, 1898 г.).

крытымъ отверстіемъ, обращеннымъ противъ вѣтра, и дожидаться дня, въ который подуетъ вѣтеръ; когда онъ замѣтитъ, что мѣхъ наполнился воздухомъ, то запечатать отверстіе его перстнемъ и немедленно привести къ Соломону. Отрокъ такъ и сдѣлалъ, поймалъ демона и привезъ къ Соломону, хотя демонъ и просилъ отпустить его, обѣщая указать ему мѣсто, гдѣ хранится драгоцѣнный камень, золото и серебро. На вопросъ Соломона, что̀ онъ можетъ сдѣлать, демонъ отвѣчалъ, что онъ можетъ поднять краеугольный камень и положить его въ главу угла (εἰς τὴν κεφαλὴν γωνίας). И онъ, дѣйствительно, сдѣлалъ это на виду у всѣхъ.

Этотъ эпизодъ съ демономъ Ἐφίππας съ нѣкоторыми отличіями и гораздо подробнѣе передается въ *Андр.* и изданномъ текстахъ. Разсказъ идетъ отъ имени Соломона. Аравійскій царь пишетъ письмо къ Соломону. Соломонъ, получивъ письмо, приказываетъ черезъ семь дней напомнить ему о немъ. Идетъ отступленіе отъ разсказа. Постройка храма подходила къ концу. Имѣлся одинъ краеугольный камень, большой величины, который Соломонъ хотѣлъ положить въ главу угла храма. Собрались всѣ работники и и всѣ демоны, работавшіе при храмѣ, но не могли поднять этотъ камень. Черезъ семь дней Соломонъ вспомнилъ о письмѣ царя Аравійскаго. Отрокъ по его указанію поймалъ демона. Прибавляется, что жители Аравіи сначала не вѣрили въ возможность захватить демона, но послѣ того какъ демонъ, дѣйствительно, былъ пойманъ, они съ большой почестью и большими дарами отпустили отрока. Отрокъ привезъ мѣхъ, содержащій демона, и оставилъ его въ срединѣ храма. Утромъ Соломонъ пришелъ въ храмъ, скорбя о невозможности поднять камень. Когда онъ вошелъ въ храмъ, мѣхъ, вставши и оживившись, сдѣлалъ семь шаговъ, упалъ передъ Соломономъ на свое отверстіе и поклонился ему.

Соломонъ удивился, что связанный въ мѣхѣ демонъ имѣетъ силу и ходитъ, и приказалъ ему встать. Демонъ всталъ, и Соломонъ спросилъ его, кто онъ и какому ангелу онъ повинуется. Тотъ отвѣчалъ, что его имя есть Ἐφίππας — въ изданномъ спискѣ добавляется объясненіе этого имени: ὅπου ἐγὼ βούλομαι, ἐφίπταμαι καὶ ἐμπυρίζω καὶ θανατῶ — и что онъ повинуется одному Богу, имѣющему родиться отъ дѣвы и быть распятымъ іудеями. На вопросъ Соломона, что онъ можетъ сдѣлать, демонъ отвѣчалъ, что онъ можетъ передвинуть горы, разрушить царскіе дома, уничтожить безлиственныя деревья (δένδρα ἀπέταλα ξηραίνω вар. μαραίνω). На вопросъ Соломона, можетъ ли онъ положить камень на вершину угла, демонъ отвѣчалъ, что онъ можетъ не только это сдѣлать, но что онъ можетъ и колонну, которую стережетъ въ глубинѣ Чермнаго моря другой демонъ, принести въ Іерусалимъ. Соломонъ показалъ ему камень. Тогда мѣхъ сдѣлался какъ бы одушевленнымъ, положилъ на себя камень и пошелъ по лѣстницѣ, таща камень, и положилъ его на вершину входа въ храмъ. «Ἐγὼ δὲ Σολομών, прибавляется къ разсказу, ἰδὼν τὸν λίθον ἐπηρμένον καὶ τεθελιωμένον, ἐθαύμασα καὶ εἶπον· «ἀληθῶς ἡ γραφὴ εἶπεν· λίθος, ὃν ἀπεδοκίμασαν οἱ οἰκοδομοῦντες, οὗτος ἐγεννήθη εἰς κεφαλὴν γωνίας, ὅτι τοῦ θεοῦ τὸ θέλημά ἐστιν τῷ δώσαντι τὴν ἰσχὺν δαίμονος [ἐ]πάραι λίθον τοσοῦτον μέγετος καὶ ἀποτεθῆναι εἰς τὸν τόπον ὃν ἐβουλόμην».

Оба разсмотрѣнные текста вышли, разумѣется, изъ одного источника. Различіе между ними не настолько значительно, чтобы можно было говорить о двухъ версіяхъ разсказа. Дѣло идетъ здѣсь о демонѣ, господствующемъ надъ вѣтрами. Страшный вѣтеръ представляется дѣйствіемъ демона или, вообще, злого духа, — мотивъ, хорошо извѣстный изъ другихъ сказаній. Въ томъ видѣ, въ которомъ мы имѣемъ это сказаніе въ разсматриваемомъ памятникѣ, оно носитъ на себѣ слѣды уже христіанской руки:

демонъ повинуется имѣющему родиться отъ дѣвы. Не буду говорить уже о ссылкѣ на священное писаніе. Но остается неизвѣстнымъ пока, гдѣ возникло первоначально это сказаніе. Царь Аравійскій называется Ἀδάρης — Ἀδάρκης, именемъ, которое не помогаетъ разрѣшенію. Что касается вопроса о томъ, гдѣ сохраняется первоначальный видъ сказанія — въ *Діонис.* ли спискѣ или въ *Андр.*, то вѣроятнѣе, что древность остается за спискомъ *Андр.*, хотя, можетъ быть, и не вездѣ. Напр. непонятнымъ остается, почему Соломонъ велѣлъ напомнить о письмѣ Аравійскаго царя черезъ семь дней. Въ *Діон.* разсказъ идетъ естественнѣе: царь Аравійскій присылаетъ просьбу, Соломонъ ее исполняетъ и пойманнымъ демономъ пользуется для своихъ цѣлей; въ *Андр.* сп. видна уже нѣкоторая искусственность.

Легенда подходитъ къ концу. Въ *Андр.* и изданномъ спискахъ передается еще легенда о двухъ демонахъ, которыхъ Ὀρνίας привелъ изъ Чермнаго моря. Одинъ изъ нихъ оказался тѣмъ самымъ, который ожесточалъ сердце Фараона противъ евреевъ и вмѣстѣ съ нимъ потонулъ въ Чермномъ морѣ. Демоны несли по воздуху громадную колонну. Соломонъ, боясь, что эта колонна, если упадетъ на землю, причинитъ много бѣдъ, при помощи перстня остановилъ демоновъ и заклялъ ихъ держать на воздухѣ эту колонну вплоть до конца міра. Демоны должны были въ этомъ поклясться и добавили: εἰς δ' ἂν ἡμέραν πέσῃ ὁ λίθος οὗτος, τότε ἔσται ἡ συντέλεια τοῦ αἰῶνος. То, что въ этихъ двухъ спискахъ разсказывается съ большими подробностями, въ *Діон.* передается въ общихъ чертахъ и съ небольшими отмѣнами. Ὀρνίας приводитъ къ Соломону демона, сидящаго въ Чермномъ морѣ (= Ἀβεζεριθοῦ *Андр.* списка), и еще двухъ демоновъ, βαστάζοντας τὸν κίονα καὶ φέροντας τοῦτον εἰς τὸν ἀέρα. Соломонъ приказалъ имъ остановиться въ воздухѣ. Обѣ редакціи въ данномъ случаѣ восходятъ къ одной, но ни одна изъ другой не вытекаетъ.

Заканчивается Testamentum Solomonis въ *Андр.* и изданномъ сп. сказаніемъ, какъ Соломонъ, обуреваемый страстью къ Іевусеянкѣ, принужденъ былъ принести жертву идоламъ и какъ за это отступилъ отъ него духъ божій. Поэтому онъ и написалъ сіе завѣщаніе, чтобы прочитавшіе его молились за него. Въ *Діон.* заключеніе другого рода: упомянуто, что слава о Соломонѣ разошлась по всей землѣ и что храмъ былъ законченъ и былъ такъ великолѣпенъ, что подобнаго ему не было и не будетъ. — Передъ этимъ заключеніемъ находится еще эпизодъ, соотвѣтствія которому нѣтъ въ другихъ спискахъ, но который представляетъ нѣкоторую параллель сказанію о Китоврасѣ. Эпизодъ этотъ слѣдующій. Царь опять спросилъ Ὀρνίας: «Есть ли еще другой демонъ?» Тотъ отвѣчалъ: «Есть ихъ много, царь, но среди нихъ есть одинъ, который имѣетъ величайшую силу». «Какую же силу имѣетъ этотъ демонъ», спросилъ царь, «и какъ его имя?» Ὀρνίας отвѣчалъ: «Его имя Σαμαήλ, а владычествуетъ онъ надъ всѣмъ сонмомъ демоновъ» (ἄρχων δὲ τοῦ τῶν δαιμόνων ὑπάρχει συστήματος). Царь сказалъ: «Возьми печать и приведи этого демона ко мнѣ тотчасъ». Взявъ печать, Ὀρνίας ушелъ и исполнилъ повелѣніе царя. Соломонъ сѣлъ на тронъ, надѣвъ запястья и діадему, и принялъ Ὀρνίας'а съ Самаиломъ, держа въ рукахъ царскій скипетръ. Когда тѣ пришли къ нему, Соломонъ спросилъ Самаила: «Кто ты и какъ твое имя?» Тотъ отвѣчалъ: «Я называюсь Самаиломъ и начальникъ я надъ всѣми демонами». Царь спросилъ: «Можешь ли ты сдѣлать что нибудь со мной?» Демонъ отвѣчалъ: «Могу воодушевить тебя (? ἐμφυσῆσαι σοι) и унести тебя на край земли». И съ этими словами демонъ ἐνεφύσησεν αὐτὸν καὶ ἀπήγαγεν εἰς τὰ ἔσχατα τῆς γῆς. — Разсказъ на этомъ прерывается, но ясно, что онъ не конченъ. Онъ представляетъ параллель русскому сказанію о Китоврасѣ, грече-

скаго оригинала которому еще не встрѣтилось: «И бы егда на млъви Соломонъ Китоврасꙋ: нне виде, ꙗко сила ваша аки члка и не сила ваша боле нашеа силы, ꙗко азъ ꙗх тѧ». И ре емоу Китоврасъ: црю, аще хощеши виде силоу мою, да соими с мене ꙋже се и дажь ми жюковинꙋ свою с роукы, да видиши силꙋ мою. Соломонъ повелѣ снѧти с не ꙋже железное и да емоу жюковинꙋ. Ѡнъ пожре ю и простеръ крило свое и оудари Соломона и заверже и на конецъ землѧ ѡбетованныа. Оувѣдеше мудреци е книжници взыскаша Соломона» [1]). Сказаніе это извѣстно изъ іудейскихъ преданій. По послѣднимъ, Асмодей, получивъ отъ Соломона цѣпь и перстень, схватилъ его и унесъ за 12 тысячъ стадій и, оставивъ его тамъ, самъ вмѣсто него сталъ царствовать, а Соломонъ пошелъ странствовать, повторяя передъ каждымъ домомъ — «я Экклезіастъ, былъ царемъ Израиля въ Іерусалимѣ». По однимъ сказаніямъ, Соломонъ до конца жизни оставался простымъ человѣкомъ, по другимъ — онъ пришелъ въ Іерусалимъ, отнялъ у Соломона перстень и сталъ царствовать по прежнему [2]). Указанная греческая версія вышла изъ того же источника, изъ котораго вышла и русская, и именно изъ такого, гдѣ разсказъ не былъ оконченъ. Что касается имени Самаила, то оно идетъ изъ іудейскихъ преданій. Оно встрѣчается въ еврейскихъ сказаніяхъ какъ синонимъ сатаны [3]). Изъ противника Бога Самаилъ въ христіанскую эпоху дѣлается противникомъ Христа. Имя это встрѣчается

---

[1]) Памят. Стар. Русск. Лит. I, 52.

[2]) *Порфирьевъ*, Апокр. сказ. о ветхозав. лиц. и соб., стр. 73 со ссылкой на Bartoloccii, Bibliotheka magna Rabbinica.

[3]) См. Vocabulaire de l'angelologie d'après les manuscrits hébreux par *Schwab*, Paris, 1897, стр. 199 и 256.

въ апокрифѣ «Восхожденіе Исаіи» — et ibi vidi Sammaelem ejusque potestates; въ «Видѣніяхъ Даніила» такимъ именемъ называется уже антихристъ — καὶ πολλοὶ τῶν χριστιανῶν κρυβηθήσονται ἐν ὄρεσιν καὶ σπήλεσιν καὶ ταῖς ὀπαῖς τῆς γῆς σωθήσονται, ἵνα μὴ αὐτοὺς καταλάβῃ ὁ δόλιος Σαμουήλ [1]). Тотъ же Самаилъ является въ еврейскомъ сказаніи о смерти Моисея. Самаилъ былъ посланъ Богомъ взять душу у Моисея, но испугавшись угрозъ послѣдняго, убѣжалъ отъ него и просилъ Бога не посылать больше его къ Моисею. «Беззаконный»! сказалъ Господь: «ты созданъ изъ геенны и въ огонь геенны возвратишься; ты пошелъ отъ меня съ великою радостію, но увидѣвъ славу Моисея, возвратился со стыдомъ» (*Порфирьевъ*, апокриф. сказ. о ветх. лиц. и соб., 66). И здѣсь Самаилъ является собственно злымъ духомъ. Кромѣ этого, имя Самаилъ встрѣчается во многихъ еврейскихъ заклинаніяхъ; онъ ангелъ вѣтра и т. д. [2]).

Я не имѣю въ виду входить въ разсмотрѣніе происхожденія составныхъ элементовъ «Завѣщанія Соломона». Самъ по себѣ памятникъ этотъ составной и его частями могутъ быть: 1) сношенія Соломона съ такими дѣмонами какъ Ὀρνίας, Ἐφίππας, которые исполняютъ различныя порученія Соломона; 2) явленіе Соломону тридцати шести демоническихъ существъ, которыя не находятся въ непосредственномъ услуженіи у него, но разсказываютъ ему о своихъ свойствахъ; эта часть ближе всего стоитъ къ заклинаніямъ, соединеннымъ съ именемъ Соломона [3]); и 3) легенды частнаго характера о построеніи храма. Заключеніе, читаемое

---

[1]) См. мое изслѣд. «Откровеніе Меѳодія Патарскаго» и т. д., 217.

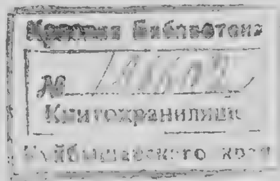
[2]) См. *Schwab*, стр. 199.

[3]) См. *М. Соколовъ*, Новый матеріалъ для объясненія амулетовъ, называемыхъ змѣевиками — Труды славян. комм. при Москов. Археол. Обществѣ, т. I, (1895).

въ *Андр.* и печатномъ спискахъ, къ демонологіи близкаго отношенія не имѣетъ и, конечно, является дѣломъ рукъ редактора, соединившаго всѣ части въ одно цѣлое. Сказанія о власти Соломона надъ демонами при помощи перстня съ печатью достаточно извѣстны; они идутъ изъ іудейскихъ преданій и въ большомъ количествѣ извѣстны какъ на востокѣ такъ и на западѣ. Они перешли и въ мусульманскій міръ и также повѣствуютъ тамъ о появленіи Соломону разнообразныхъ демоновъ, силою божіей отданныхъ ему на службу. Если бы мы стали искать первоисточниковъ всѣхъ демоническихъ существъ «Завѣщанія», то оказались бы въ затрудненіи. Не всѣ изъ нихъ имѣютъ названія, идущія изъ іудейскихъ преданій и доступныя для объясненія; иныя являются простымъ олицетвореніемъ, какъ напр. φθόνος. «Завѣщаніе» есть плодъ, съ одной стороны, письменной каббалистики, съ другой — народныхъ преданій и, какъ всегда бываетъ въ такихъ случаяхъ, отдѣленіе одного элемента отъ другого довольно затруднительно. Во всякомъ случаѣ, аналогія многихъ другихъ памятниковъ подобнаго рода заставляютъ и «Завѣщаніе Соломона» разсматривать какъ памятникъ, имѣющій свою исторію. Наличность нѣсколькихъ разобранныхъ мною рукописныхъ текстовъ даетъ нѣкоторую возможность опредѣлить исторію памятника въ византійской литературѣ. Предложенный выше анализъ текстовъ указываетъ нѣсколько различій между ними, если даже мы и не примемъ пока во вниманіе начала Діонисіатскаго списка, о чемъ скажу нѣсколько ниже.

«Завѣщаніе Соломона», изданное въ Патрологіи Миня, взято изъ стараго изданія XVII в., сдѣланнаго по рукописи Парижской Національной Библ. № 1483 [1]). Въ на-

[1]) См. *Migne*, Dictionnaire des apocryphes II, 839—41.

стоящее время среди рукописей Парижской Библ. de fonds grecs находится одна подъ № 38, содержащая въ себѣ «Завѣщаніе». Такъ какъ она оказывается дословно, до послѣднихъ мелочей, сходной съ изданнымъ текстомъ, то и надо думать, что это и есть та самая рукопись, съ которой сдѣлано изданіе, но которая теперь имѣетъ другой номеръ. Слѣдовательно, мы имѣемъ теперь четыре списка «Завѣщанія Соломона». Прежде всего является вопросъ, на сколько древня самая композиція памятника. Составные элементы его, какъ уже сказано, идутъ еще изъ дохристіанскаго періода; что же касается литературной обработки памятника, то едва ли можно стоять за его древность. Прямыхъ доказательствъ для этого, правда, нѣтъ, но нѣкоторыя соображенія заставляютъ такъ думать. Всѣ сказанія о Соломонѣ можно подвести подъ нѣсколько категорій, именно: 1) сказанія объ его мудрости; сюда будутъ относиться «суды Соломона», легенды объ его знаніяхъ свойствъ природы, языковъ всѣхъ живыхъ существъ и т. п.; 2) сказанія, группирующіяся около построенія храма; и 3) сказанія объ его сношеніяхъ съ демонами. Въ устномъ преданіи всѣ эти сказанія еще въ іудейское время стали перемѣшиваться между собой, такъ что напр. легенда о построеніи храма тѣсно сливалась съ представленіемъ о Соломонѣ, какъ имѣвшемъ власть надъ всѣми демонами. Всѣ подобнаго рода сказанія перешли и въ христіанскій міръ, распространяясь, подобно другимъ, и устно и письменно. Конечно, они испытали ту же судьбу, что и другіе апокрифы, т. е. не будучи вначалѣ запрещаемы, они стали впослѣдствіи подвергаться запрещеніямъ. Просматривая дошедшіе до насъ греческіе индексы, мы не видимъ въ нихъ «Завѣщанія Соломона», хотя и встрѣчаемъ напр. διαθήκη Μωϋσέως. Въ обработкѣ индекса Григорія Богослова X в. [1])

[1]) *Порфирьевъ*, апокр. сказ. о ветхозав. лицахъ и событіяхъ, 151.

мы находимъ Ψαλμοὶ Σολομῶντος; въ декретѣ папы Гѣласія VI в. встрѣчаемъ — Scriptura, quae appellatur Contradictio Salomonis, apocrypha. Наши славянскіе индексы, какъ переводные, знаютъ только Псалмы Соломона, и лишь старѣйшій списокъ южнославянской редакціи индекса XIV в. упоминаетъ «о Соломони цри и о Китоврасѣ басни и кощуны» [1]). Возможно, поэтому, предполагать, что во время составленія индексовъ «Завѣщанія Соломона» въ томъ видѣ, въ которомъ мы теперь его имѣемъ, еще не было. Отдѣльныя части его существовали въ видѣ преданій и во время составленія индексовъ, но онѣ не считались ложными. Лишь псалмы попали въ индексъ и то потому, что, какъ поэтическія произведенія, они не были въ устномъ употребленіи, и потому не поддерживались преданіемъ. «Завѣщаніе Соломона» составилось, очевидно, тогда, когда составленіе индексовъ уже окончилось. Оно представляетъ собой плодъ средневѣковой фантастики и, хотя имена демоническихъ существъ носятъ еврейскій характеръ и представляются какъ бы заимствованными изъ еврейскихъ источниковъ, однако въ упомянутомъ выше обширномъ словарѣ Швабa большинство изъ нихъ не встрѣчается. Эту часть, несомнѣнно, нужно выдѣлить изъ «Завѣщанія»: она стоитъ совершенно отдѣльно отъ сказанія о построеніи храма и имѣетъ характеръ руководства при заклинаніяхъ именемъ Соломона. Еще Іосифъ Флавій говоритъ, что Соломонъ зналъ искусство демоновъ, сложилъ заговоры отъ болѣзней и указалъ способъ ихъ изгонять (Antiqu. VIII, 2, 5). Разсматриваемая часть «Завѣщанія» и есть, такъ сказать, ученая иллюстрація этого преданія объ искусствѣ Соломона. Я уже указалъ, что эта часть

---

[1]) *Пыпинъ*, Для объясненія статьи о ложныхъ книгахъ—Лѣтопись занятій Археограф. ком. вып. I (1862) ст. 27.

имѣетъ свое заключеніе. Въ виду того, что центромъ въ «Завѣщаніи» является не легенда о власти Соломона надъ демонами и развившейся отсюда вѣры въ дѣйствительность заклинаній именемъ Соломона, а легенда о построеніи храма, легенда, около которой группируется все остальное, надо думать, что *Діонис.* списокъ сохранилъ намъ болѣе древній, первоначальный текстъ. Я уже сказалъ, что вся часть «Завѣщанія», содержащая сказаніе о тридцати шести демоническихъ существахъ, въ *Діонис.* сп. заключается въ нѣсколькихъ строкахъ: *ταῦτα ἀκούσας ὁ Σολομὼν εὐχαρίστησε κυρίῳ τῷ θεῷ καὶ προέτρεψε τὸν Ὀρνίαν δαίμονα μετὰ τῆς σφραγῖδος καὶ τοῦ παιδαρίου ἀπελθεῖν καὶ ἐπισυνάξαι τὸν δαιμόνιον. καὶ ἀπῆλθον καὶ ἐπισυνήγαγον πάντα. καὶ εἰσῆγον ταῦτα εἰς τὸν βασιλέα Σολομῶντα. ἅμα δὲ τὸ πλησιάσαι ταῦτα εἰς τὸν βασιλέα προσεκύνουν αὐτῷ. καὶ ἠρώτα ἓν ἕκαστον ὁ βασιλεὺς τῶν δαιμόνων τό τε ὄνομα καὶ τὴν ἐργασίαν καὶ ὑπὸ ποίου τῶν ἁγίων ἀγγέλων καταργεῖται. καὶ ὡμολόγουν τήν τε ἐργασίαν αὐτοῦ καὶ τὴν κλῆσιν καὶ τὸν καταργοῦντα ἄγγελον. ἐπέτρεπε δὲ αὐτὰ ἐργάζεσθαι εἰς τὴν τοῦ ναοῦ οἰκοδομήν. καὶ ἐνήργει ἓν ἕκαστον τὴν δουλείαν εἰς ἣν δὴ καὶ ἐτάχθη παρὰ τοῦ σοφοῦ Σολομῶντος.* Это обычное сказаніе объ участіи демоновъ въ постройкѣ храма дало поводъ редактору замѣнить его обширнымъ сказаніемъ, имѣвшимъ другое значеніе, но въ данномъ случаѣ соприкасавшимся съ первымъ въ томъ отношеніи, что тамъ и тутъ демоны были приставлены къ постройкѣ храма.

Это уже одно обстоятельство даетъ возможность видѣть въ *Діон.* спискѣ наибольшую древность сравнительно съ другими, хотя и не слѣдуетъ утверждать, что онъ представляетъ собой оригиналъ. Вѣроятнѣе всего, у него былъ оригиналъ общій съ оригиналомъ другихъ списковъ. На это указываетъ, между прочимъ, какъ бы неоконченность нѣкоторыхъ эпизодовъ, извѣстныхъ намъ въ болѣе полныхъ

видахъ, какъ напр. сказаніе о Самаилѣ, соотвѣтствующемъ Китоврасу русскихъ легендъ. На первоначальную древность *Діонис.* сп. указываетъ еще то обстоятельство, что весь разсказъ идетъ отъ третьяго лица, а не отъ лица Соломона, какъ въ «Завѣщаніи». Самъ по себѣ этотъ фактъ не могъ бы указывать на сравнительную древность, ибо съ одинаковымъ правомъ можно предполагать и замѣну перваго лица третьимъ: но нужно имѣть въ виду, что, тогда какъ въ *Діонис.* сп. третье лицо проведено послѣдовательно, безъ одного даже смѣшенія съ первымъ, въ остальныхъ спискахъ по всему сказанію наблюдается постоянное смѣшеніе перваго лица съ третьимъ: то говоритъ самъ Соломонъ, то разскащикъ ведетъ рѣчь отъ себя. Это указываетъ на то, что редакторъ передѣлывалъ оригиналъ и не вездѣ послѣдовательно; замѣняя третье лицо первымъ, онъ не всегда дѣлалъ это. Подобнаго рода случаи мы встрѣчаемъ во всѣхъ литературахъ, изъ русской напр. литературы можно указать на Палейныя передѣлки Откровенія Авраама и Лѣствицы, гдѣ слѣдъ передѣлки остался въ смѣшеніи перваго лица съ третьимъ. Признавая редакцію «Завѣщанія» болѣе поздней сравнительно съ редакціей Діонисіатскаго списка, мы все таки не можемъ во всѣхъ случаяхъ опредѣлить, что̀ принадлежитъ самому редактору и что̀ идетъ изъ болѣе древняго источника. Самое заглавіе «Завѣщанія» указываетъ на позднѣйшую литературную обработку и на позднее соединеніе разнообразныхъ сказаній о Соломонѣ. *Діонис.* сп. озаглавливается кратко — Περὶ τοῦ Σολομῶντος, тогда какъ остальные списки (впрочемъ, не всѣ) носятъ названіе «Завѣщанія — διαθήκη. Но собственно завѣщанія въ смыслѣ напр. Завѣтовъ XII патріарховъ въ нашемъ памятникѣ нѣтъ. Это, впрочемъ, не большая бѣда. Апокрифъ, извѣстный подъ именемъ «Завѣтъ и смерть Авраама», также не содержитъ въ себѣ въ соб-

ственномъ смыслѣ завѣщанія; но поясненіе, какъ Соломонъ господствовалъ надъ демонами, указываетъ, что редакторъ и самъ сознавалъ все неудобство озаглавить памятникъ однимъ словомъ διαθήκη, и присоединилъ нѣсколько поясненій, относящихся прямо къ дѣлу. Но назвавъ разъ памятникъ «Завѣщаніемъ» необходимо было что-нибудь прибавить, чтобы онъ походилъ нѣсколько на завѣщаніе, и вотъ авторъ прибавляетъ къ концу коротенькое сказаніе о паденіи Соломона и заканчиваетъ словами: διὰ γάρ τοῦτο ἀπέγραψα ταύτην μου τὴν διαθήκην, ἵνα οἱ ἀκούοντες εὔχεσθέ μοι ὅπερ ρυσθῶ τοῦ σκότους καὶ τῆς κολάσεως τῆς πικρᾶς ὡς θεῷ παρήκωος καὶ προσέχητε ὀφείλην τοῖς ἀνθρώποις τοῖς ἔσχάτοις τὰ μᾶλλον ἢ τοῖς πρώτοις, ἵνα εὕρητε χάριν εἰς τοὺς αἰῶνας. Ничего подобнаго нѣтъ въ Діонисіатскомъ спискѣ.

Въ первомъ изданіи, повторенномъ затѣмъ въ Патрологіи Миня, «Завѣщаніе Соломона» напечатано въ числѣ сомнительныхъ произведеній Пселла, писателя первой половины XI в. Основаній считать «Завѣщаніе Соломона» произведеніемъ Пселла нѣтъ никакихъ, что замѣчаютъ и сами издатели, и основаніемъ присоединять его къ твореніямъ Пселла служитъ лишь то, что у послѣдняго есть подобное произведеніе, называющееся Περὶ ἐνεργείας δαιμόνων διάλογος и трактующее о свойствахъ демоновъ. Но настоящимъ произведеніемъ Пселла «Завѣщаніе Соломона» не признается и является, подобно многимъ другимъ, анонимнымъ.

Изъ четырехъ извѣстныхъ въ настоящее время списковъ я выдѣлилъ списокъ Діонисіатскій, какъ представляющій особую редакцію памятника. Остальные три списка представляютъ одну полную редакцію. Различія между послѣдними не существенны и относятся къ такимъ, которыя постоянно встрѣчаются среди позднихъ греческихъ текстовъ. Только въ одномъ случаѣ Парижскій списокъ имѣетъ одну интересную особенность, именно въ описаніи

перстня Соломонова. Во всѣхъ спискахъ о перстнѣ говорится кратко: ἡ δὲ γλυφὴ τῆς σφραγῖδος τοῦ δακτυλίου τῆς πεμφθείσης ἔστι πεντάλφα αὕτη. Въ Парижскомъ же спискѣ о перстнѣ говорится такъ: ἦν δὲ ἡ γλυφὴ αὐτοῦ λέγων οὕτως· κύριε ὁ θεὸς ἡμῶν λέγων σαβαώθ βιωνὶκ ἀωὰ ἐλωὶ αἰαὼ ἐλωὶ αἰὼ ἰωασὲ σουγεωὰ ἀγὲ ἀενίου οὐρανίου ἠρώ. Если исключить отсюда нѣкоторыя слова, какъ σαβαώθ, οὐρανίου да, пожалуй, ἐλωὶ=евр. 'elohim, то останется нѣсколько именъ, значеніе которыхъ теперь уже не можетъ быть объяснено, но которыя издавна писались на амулетахъ и употреблялись въ заклинательныхъ формулахъ. Происхожденіе ихъ относится къ глубокой древности и по памятникамъ мы можемъ прослѣдить ихъ до эпохи первыхъ вѣковъ христіанства, хотя, конечно, они возникли гораздо раньше. До насъ дошло большое количество греческихъ заклинаній, писанныхъ еще на папирусахъ, которыя представляютъ собой очень интересную картину соединенія и древнеегипетской магіи и греческой образованности и уже христіанскаго ученія. Въ этихъ заклинаніяхъ мы встрѣчаемъ громадное количество магическихъ словъ, объясненія которымъ стали напрасно бы искать. Заклинанія изданы — 1) г. Веселымъ [1]) и 2) Дитрихомъ [2]). Среди изданныхъ заклинаній мы встрѣчаемъ упоминаніе перстня съ именами божіими, частію подходящими къ именамъ Соломонова перстня. Вотъ какъ описывается одинъ филактерій противъ демоновъ (Wessely, Denk. 42, стр. 39):

φυλακτηριον σωματοφυλαξ προς δαιμονας προς φαντασματα προς πασαν νοσον και παθος ἐπιγραφομενον επι χρυσεου

---

[1]) *Wessely*, Griechische Zauberpapyrus von Paris und London въ Denkschriften der Kais. Akademie der Wissenschaft, philos.-histor. cl., т. 36 (1888) и *его-же* Neue griechische Zauberpapyri, тамъ же т. 42.

[2]) *Dieterichus*, Papyrus magica musei Lugnunensis Batavi въ Jahrbücher für classische Philologie, supp. 16 (1888 г.) Leipzig.

πεταλου η ἀργυρεου η κασσιτερινου η εν ἱερατικον χαρτ' φορõ μενον στρατιωτικως εστιν εστιν γαρ δυναμεως ονοματος μεγαλου θῡ και σφραγις εστιν δε ως υποκειται κμηφις χφυρις: ιαεω ιαω αεη ιαω οω αιων ιαεω βαφρενε μουν οθι λαρικριφια ευεαι φιρκιραλιθωνυομαι νερφάβω σαι ̃ τα[υ]τα τα □ □ τον δε χαρακτηρα ουτως εσω ο δρακων ουροβορος τα δε □ □ μεσον του δρακοντος και οι χαρακτηρες ουτως ως υποκειται ΑΡШΥωΞοΖοccᴀ το δε σχημα ολον ουτως ως υποκειται οτι διαφυλασσε μου το σωμα την ψυχην ολοκληρον εμου του ἶ και τελεσας φορει.

Перстень (δακτύλιον) совѣтуется употреблять при заклинаніяхъ, обращаемыхъ къ богу Асклипію, причемъ нужно произнести семь разъ — του [...] χαυαψ ωαειαψ ωακ λυσιφθα κυριε ασκληπιε и т. д. — ibid, 44. Примѣровъ папирусныхъ заклинаній, въ которыхъ упоминается перстень съ надписями именъ божіихъ, довольно много; я приведу еще одинъ (Dieterich, 806):

Δακτυλίδιον πρὸς πᾶσαν πρᾶξιν καὶ ἐπιτυχίαν.
Π[ρὸς τοὺς] βασιλεῖς καὶ ἡγεμόνας
λίαν ἐνεργές. λαβὼν ἴασπιν ἀερίζοντα
ἐπίγραφον δρά[κοντα κυ]κλοτερῶς τὴν οὐρὰν
ἔχοντα ἐν τῷ στόματι καὶ ἐπίμεσον τοῦ
δρ[ά]κοντο[ς Ἶσιν δ]ύο ἀστέρας ἔχουσαν
ἐπὶ τῶν δύο κεράτων καὶ ἐπάνω τούτων
ἥλιον ω... ω ἀβρασαξ καὶ ὄπισθεν
τῆς γλυφῆς τοῦ λίθου τὸ αὐτὸ ὄνομα
αβρασαξ καὶ κατὰ του π[εριζώμ]ατος ἐπιγράψεις τὸ μέγα
καὶ ἅγιον καὶ κατὰ πάντων τὸ ὄνομα
ιαω σαβαωθ. [τελέσ]ας τὸν λίθον ἐν χρυσῷ

δακτυλίῳ φόρει, ὁπόταν ᾖ σοι χρεία
ἁγνὸς ὢν καὶ ἐπ[ιτεύξῃ πάν[των] ὅσων προαιρῇ.

Изъ этихъ и другихъ многихъ примѣровъ мы видимъ, что имена, написанныя на перстнѣ Соломона, не являются въ разсматриваемомъ случаѣ одиноко, но, повторяясь въ различныхъ заклинаніяхъ, имѣютъ чисто магическое значеніе. Взялъ ли редакторъ Парижскаго списка эти имена изъ извѣстнаго ему заклинанія и добавилъ ихъ къ тому тексту, который переписывалъ, или, наоборотъ, въ Парижскомъ сп. имѣемъ первоначальный видъ — сказать, конечно, затруднительно. Думается, впрочемъ, что скорѣе надо предполагать первое, такъ какъ никакихъ основаній выпускать такую интересную подробность не было.

Въ послѣднемъ приведенномъ мною заклинаніи перстень является вообще амулетомъ. Власть Соломона надъ демонами неразлучна съ перстнемъ. Когда Соломонъ отдалъ перстень Китоврасу, то потерялъ свою силу и былъ заброшенъ послѣднимъ очень далеко отъ своего царства. Сказаніе это старое, идущее изъ іудейскихъ преданій, хотя и надо полагать, что къ Соломону примѣнено только уже то, что было извѣстно и до него, т. е. вѣра въ силу заклинаній, написанныхъ на амулетахъ. Впослѣдствіи сила собственно Соломонова перстня перенесена была на всякій вообще перстень, который имѣлъ на себѣ изображаніе Соломона съ соотвѣтствующими заклинательными формулами. Тотъ же Іосифъ Флавій разсказываетъ, какъ во времена Веспасіана нѣкто Елеазаръ избавилъ бѣсноватаго отъ демона: онъ поднесъ къ носу его перстень, на которомъ подъ печатью былъ одинъ корень, указанный Соломономъ, и, когда бѣсноватый сталъ его нюхать, Елеазаръ вытащилъ у него изъ носа демона. Но нѣкогда существовали разсказы объ исцѣленіяхъ подобнаго рода, совершенныхъ самимъ Соломономъ Остатокъ отъ такихъ сказаній

мы видимъ въ тѣхъ же папирусныхъ заклинаніяхъ. Одно заклинаніе читается такъ (Wessely, т. 36, ст. 3039—42):

ορκιζω σε κατα της σφραγι
δος ης εθετο σολομων επι την γλωσσαν
του ἱηρεμίου και ελαλησεν και συ λαλησον
οποιον εαν ης επεουρανιον η αεριον.

Очевидно, существовало сказаніе о томъ, какъ Соломонъ исцѣлилъ какого-то Іеремію, заставивъ его при помощи своей печати говорить.

Изъ мелкихъ особенностей можно замѣтить: Migne 1321 (строка 2) πνεῦμα σεβωμάτω πεποιημένον въ *Пар.* возстановляется въ πνεῦμα σεσωματωμένον.

Я сказалъ выше, что не нужно придавать значенія краткости списковъ *Андр.* и *Пар.*, такъ какъ эта краткость случайная. Но сравнивая уцѣлѣвшія части ихъ съ полнымъ изданнымъ текстомъ, должно придти къ тому выводу, что эти два списка не исходятъ отъ изданнаго. Всѣ три списка взаимно дополняютъ другъ друга и представляютъ намъ три разновидности (не редакціи) одного, не дошедшаго до насъ, оригинала.

Я оставилъ къ концу начало Діонисіатскаго списка, такъ какъ оно непосредственно къ «Завѣщанію» отношенія не имѣетъ. Оно представляетъ собой какъ бы введеніе и разсказываетъ о грѣхопаденіи Давида. Противъ библейскаго разсказа есть нѣкоторыя апокрифическія особенности. Передъ тѣмъ какъ Уріи уйти по приказанію Давида на битву, пришелъ ангелъ къ пророку Нафану, говоря: «Иди къ Давиду и удержи его отъ нечистаго дѣла сатаны». Нафанъ ушелъ, но Веліаръ устроилъ ему препятствіе. Дьяволъ нашелъ убитаго человѣка, лежавшаго голымъ, и подбросилъ его на дорогѣ, по которой шелъ Нафанъ. Увидѣвъ мертвеца, Нафанъ пожелалъ похоронить его, а въ то время какъ онъ хоронилъ его, Давидъ совершилъ нечистое

дѣло сатаны. Узнавъ объ этомъ, Нафанъ горько плакалъ и говорилъ: «По моей винѣ совершился этотъ грѣхъ». И снова пришелъ ангелъ и сказалъ Нафану: «Чрезъ тебя сдѣлано преступленіе, чрезъ тебя будетъ и исправленіе; иди, поэтому, и обличи беззаконіе Давида». Нафанъ на это возразилъ: «Какъ я, ничтожный человѣкъ, буду обличать царя»? Ангелъ сказалъ ему: «Я буду съ тобой; ты объяви ему, а я нагоню страхъ на него». Нафанъ сдѣлалъ по слову ангела. Апологъ Нафана отличается отъ библейскаго тѣмъ, что однимъ изъ дѣйствующихъ лицъ является самъ Нафанъ: онъ приноситъ жалобу на своего господина, взявшаго у него послѣднюю овцу. — Далѣе въ этомъ введеніи говорится, что отъ жены Уріи у Давида родился сынъ Соломонъ, мудрость котораго была подобна мудрости перваго человѣка Адама. Соломонъ задумалъ построить храмъ и — разсказъ переходитъ къ эпизоду съ юношей.

Итакъ, общіе выводы изъ всего сказаннаго будутъ слѣдующіе:

1) Три списка — изданный, Парижскій № 500 и Андреевскій — представляютъ полную редакцію «Завѣщанія», а Діонисіатскій — краткую.

2) Краткая редакція есть болѣе древняя; въ полной редакціи позднѣйшимъ добавленіемъ является подробное описаніе явленія Соломону тридцати шести демоническихъ существъ.

3) Полная редакція не образовалась изъ той краткой, которая является намъ въ настоящее время въ Діонисіатскомъ спискѣ, но ея оригиналъ не совпадалъ съ послѣднимъ во всѣхъ частностяхъ.

4) Въ первоначальномъ видѣ «Завѣщаніе» не было собственно завѣщаніемъ, а было одной изъ многихъ легендъ, повѣствующихъ о построеніи Соломономъ храма. «Завѣщаніемъ» оно стало уже послѣ распространенія.

5) Дошедшій до насъ списокъ краткой редакціи не представляетъ оригинала въ чистомъ видѣ: онъ получилъ особое введеніе и потерпѣлъ нѣсколько видоизмѣненій.

Ниже издается сказаніе — 1) по рукописи Андреевскаго Афонскаго скита, а недостающія въ немъ части восполняются спискомъ Парижской Національной Библіотеки; и 2) по рукописи Діонисіатскаго Афонскаго монастыря.

I.

Афонскаго Андреевскаго скита № 73.

Ἡ διήγησις Σολομῶντος υἱοῦ Δαβίδ, ὡς ἐβασίλευσεν ἐν Ἱερουσαλὴμ καὶ ἐκράτησε καὶ ὑπέταξεν δι' ὧν καὶ πάντα τὰ ἔργα τοῦ θεοῦ τὰ ὑπερβάλλοντα πεποίηκεν καὶ τίνες ἐξουσίαι αὐτῶν κατὰ τῶν ἀνθρώπων, καὶ παρὰ ποίων ἀγγέλων οὗτοι οἱ δαίμονες καταργάζονται. [ε]ὐλογητὸς εἶ, ὁ δοὺς τῷ Σολομῶντι τοιαύτην ἐξουσίαν, σοὶ δόξα καὶ κράτος εἰς τοὺς αἰῶνας, ἀμήν.

[Κ]αὶ[1]) ἰδοὺ οἰκοδομουμένου τοῦ ναοῦ πόλεως Ἱεροσολὴμ καὶ ἐργαζομένων τῶν τεχνιτῶν ἐν αὐτῷ, [ἤ]ρχετο Ὀρνίας τὸ δαιμονικὸν κατὰ ἡλίου δυσμᾶς καὶ ἐλάμβανεν τὸ ἥμισυ τοῦ μισθοῦ τοῦ πρωτομαϊστόρου παιδαρίου ὄντος καὶ τὰ ἥμισυ σιτία καὶ τὸν ἀντίχειρα τῆς δεξιᾶς αὐτοῦ χειρὸς ἐθήλαζεν ἐφ' ἑκάστης ἡμέρας[1]). καὶ ἐλεπτύνετο τὸ παιδάριον || ὅπερ ἦν ἀγαπώμενον ὑπ' ἐμοῦ σφόδρα. ἐγὼ δὲ Σολομὼν ἐν μιᾷ τῶν ἡμερῶν ἀνακρίνας τὸ παιδάριον εἶπον αὐτῷ· ||

---

[1]) Καὶ ἰδοὺ ἀνοικοδομουμένης τῆς Ἱερουσαλὴμ καὶ ἐργαζομένων τῶν τεχνιτῶν ἓν παιδίον ἔχον προθυμίαν μεγίστην ἐπὶ τὴν τοῦ ναοῦ οἰκοδομήν, ὃς ἐποίει τοὺς τεχνίτας προθυμωτέρους πρὸς ἐργασίαν. καὶ οἱ ἀκούοντες ἔχαιρον πάντες ἐπὶ τῇ τοῦ παιδὸς προθυμίᾳ. ἦν δὲ καὶ ἀγαπώμενον ἄγαν παρ' ἐμοῦ Σολομῶντος. καὶ ἐλάμβανε παρὰ πάντας τὰς τεχνίτας διπλὸν τὸν μισθὸν καὶ σιτήδεια διπλά. καὶ ἤμουν χαίρων καὶ εὐφραινόμενος ἐγὼ Σολεμὼν καὶ εὐλογῶν τὸν θεὸν ἐπὶ τῇ τοῦ ναοῦ οἰκοδομῇ. φθονήσαντος δὲ τοῦ δαίμονος ἐπὶ τῇ τοῦ παιδὸς προθυμίᾳ ἤρχετο καθ' ἑκάστην ἡμέραν ὁ δαίμων καὶ ἐλάμβανε τὸ ἥμισυ τῶν σιτείων αὐτοῦ καὶ ἐθήλαζεν τὸν ἀντίχειρον τῆς δεξιᾶς αὐτοῦ χειρός.

οὐχὶ παρὰ πάντας τοὺς τεχνίτας τοὺς ἐργαζομένους ἐν τῷ ναῷ τοῦ θεοῦ σὲ ἀγαπῶ, διδοὺς ἐν διπλῷ τοὺς μισθοὺς καὶ τὰ σιτία διπλάσιον, πῶς ἐφ' ἑκάστης ἡμέρας καὶ ὥρας λεπτύνεις»; τὸ δὲ παιδάριον ἔφη πρὸς τὸν βασιλέα· «δέομαί σου, βασιλεῦ, ἄκουσον δὴ τὰ συμβάντα τῷ σῷ παιδαρίῳ. μετὰ τὸ ἀπολυθῆναι ἡμᾶς πάντας ἀπὸ τοῦ ἔργου τοῦ ναοῦ τοῦ θεοῦ μετὰ ἡλίου δυσμᾶς ἐν τῷ ἀναπαύεσθαί με ἔρχεται ἓν τῶν πονηρῶν δαιμόνων καὶ ἀφαιρεῖ ἀπ' ἐμοῦ τὸ ἥμισυ τοῦ μισθοῦ μου καὶ τὰ ἥμισυ σιτία, εἶτα λαμβάνει καὶ τὴν δεξιάν μου χεῖραν καὶ θηλάζει τὸν ἀντίχειρά μου. καὶ ἰδοὺ θλιβομένη μου ἡ ψυχή, οὕτω τὸ σῶμά μου λεπτύνεται καθ' ἑκάστην ἡμέραν». καὶ ταῦτα ἀκούσας ἐγὼ Σολομὼν εἰσῆλθα εἰς τὸν ναὸν τοῦ θεοῦ καὶ ἐδεήθην ἐξ ὅλης μου τῆς ψυχῆς νυκτὸς καὶ ἡμέρας, πῶς παραδοθῇ μοι ὁ δαίμων εἰς τὰς χεῖρας καὶ ἐξουσιάζω αὐτόν. καὶ ἐγένετο ἐν τῷ προσεύχεσθαί με ἐδόθη μοι παρὰ κυρίου Σαραὼθ χάρις διὰ Μιχαὴλ τοῦ ἀρχαγγέλου—δακτυλίδιον ἔχον σφραγῖδα γλυφῆς ἐκ λίθου τιμίου[1]) καὶ εἶπέ με· «λαβέ, Σολομών, βασιλεὺς υἱὸς Δαβίδ, δῶρον, ὃν ἀπέστειλέν σοι κύριος ὁ θεὸς Σαβαώθ, καὶ συγκλείσεις πάντας τοὺς δαίμονας τῆς γῆς ἄρσενα καὶ θήλεα καὶ (11ᵛ) μετ' αὐτῶν ἀνοικοδομήσεις τὴν Ἱερουσαλήμ, φέρειν σε τὴν σφραγῖδα ταύτην τοῦ θεοῦ. ἡ δὲ γλυφὴ τῆς σφραγῖδος τοῦ δακτυλιδίου τῆς πεμφθείσης ἔστιν πεντάλφα αὕτη. καὶ περιχαρὴς γενόμενος ἐγὼ Σολομὼν ὕμνουν καὶ ἐδόξαζον τὸν θεὸν τοῦ οὐρανοῦ καὶ τῆς γῆς. καὶ τῇ ἐπαύριον ἐκάλεσα τὸν παῖδα καὶ ἀπέδωκα αὐτῷ τὸ δακτυλίδιον· «λαβὲ τοῦτο καὶ ἐν ᾗ ἂν ὥρᾳ ἔλθῃ πρός σε τὸ δαιμόνιον, ῥῖψον τοῦτο τὸ δακτυλίδιον εἰς τὸ στῆθος τοῦ δαιμονίου καὶ εἰπὲ αὐτῷ· «ἐπ' ὀνόματος τοῦ θεοῦ δεῦρο, καλεῖ σε ὁ βασιλεὺς Σολομών». καὶ δρομιαίως ἔρχου πρός με, μηδὲ δειλιάζων ἢ φοβηθεὶς ἐν ᾧ μέλλεις ἀκούειν παρὰ τοῦ δαίμονος». καὶ λαβὼν τὸ παιδάριον τὸ δακτυλίδιον ἀπῆλθεν. καὶ ἰδοὺ κατὰ τὴν

---

[1]) ἦν δὲ ἡ γλυφὴ αὐτοῦ λέγων οὕτως. (ΚΠΗ.) κύριε ὁ θεὸς ἡμῶν λέγων σαβαώθ. βιωνίκ. ἀωᾶ. ἐλωί. αἰαῶ. ἐλωί. αἰῶ. ἰωασὲ. σουγεωὰ. ἀγὲ. αἐνίου. οὐρανίου, ἠρώ.

ἡθισμένην ὥραν ἦλθε ὁ Ὀρνίας τὸ χαλεπὸν δαιμόνιον ὡς πῦρ φλεγόμενον || ὥστε λαβεῖν κατὰ τὸ συνῆθες τὸν μιστὸν παρὰ τοῦ παιδός. τὸ δὲ παιδάριον κατὰ τῷ ῥηφθέντι αὐτῷ παρὰ τοῦ βασιλέως Σολομῶντος ἔρριψε τὸ δακτυλίδιον ἐπὶ τὸ στῆθος τοῦ δαίμονος λέγων αὐτῷ· «δεῦρο, καλεῖ σε ὁ Σολομών». καὶ ἀπίει δρομαίως πρὸς Σολομῶντα. ὁ δὲ δαίμων ἐκράγασε λέγων τῷ παιδαρίῳ· «τί τοῦτο ἐποίησας; λαβὲ τὸ δακτυλίδιον καὶ ἐπίδος αὐτὸ πρὸς Σολομῶντα. || ἐγώ σοι δώσω το χρυσίον τῆς γῆς, μόνον λαβὲ τοῦτο ἀπ' ἐμοῦ καὶ μὴ ἀπάγῃς με πρὸς Σολομῶντα». τὸ δὲ παιδάριον λέγει πρὸς τὸν δαίμονα· «ζῇ κύριος ὁ θεὸς τοῦ Ἰσραήλ, οὐ μή σου ἀνέξωμαι ἀλλὰ δεῦρο ἀκολουθῇ μοι». καὶ ἐλθὼν δρομαίως τὸ παιδάριον χαίρων πρὸς τὸν βασιλέα λέγων· «ἤγαγον τὸν δαίμονα, βασιλεῦ, ὡς ἐκέλευσάς μοι, δέσποτα, καὶ ἰδοὺ στήκεται πρὸ τῶν θυρῶν τῆς αὐλῆς τῆς βασιλείας σου κραυγάζων καὶ δεόμενος μεγάλῃ τῇ φωνῇ διδόναι μοι τὸ ἀργύριον καὶ τὸ χρυσίον τῆς γῆς τοῦ μὴ ἀπαγαγεῖν αὐτὸν πρός σε». καὶ ἀκούσας ταῦτα Σολομὼν ἀνέστη ἀπὸ τοῦ θρόνου αὐτοῦ καὶ ἐξῆλθεν. || εἶδον τὸν δαίμονα φρίττοντα καὶ τρέμοντα καὶ εἶπον αὐτῷ· «τίς εἶ σὺ καὶ τίς ἡ κλῆσίς σου»; ὁ δαίμων εἶπεν· «Ὀρνίας». εἶπον οὖν αὐτῷ· «λέγε μοι πρὶν ἔξω διώκω σε»; καὶ ἀποκριθεὶς ὁ δαίμων· «ὑδροχόος (80) καὶ τοὺς ἐν ὑδροχόῳ κείμενος δι' ἐπιθυμιῶν τῶν λόγων ἐπὶ τὴν παρθένον τὸ ἐξόδιον κεκληκότας ἐπάγω, καὶ εἰς τοῦτο τρεῖς μορφὰς μεταβαλλόμενος. ποτὲ μὲν ὡς ἄνθρωπος ἔχων ἔτι θηλυκὸν εὔκοσμον καὶ δι' αὐτὸν ἀλγώσει πάνυ, ποτὲ δὲ ὑπόπτερος γένομαι ἐπὶ τοὺς οὐρανίους τόπους, ποτὲ δὲ ὄψιν λέοντος ἐμφαίνω ὑπὸ πάντων τῶν δαιμονίων λαβόμενος. ἀπόγονος δέ εἰμι τῆς δυνάμεως τοῦ θεοῦ, καταργοῦμαι δὲ ὑπὸ Μιχαὴλ τοῦ ἀρχαγγέλου. || (12) Ὁ δὲ Σολομὼν λέγει αὐτῷ· «λέγε μοι, ὦ δαῖμον, ποίων ζωδίων κεῖσαι»; ὁ δὲ εἶπεν· «ὑδροχόῳ καὶ τῶν κειμένω[ν] δι' ἐπιθυμιῶν τῶν γυναικῶν ἐπὶ γῆν παρθένων, τῷ ζωδίῳ κέκληται, τούτους

ἀποπνίγω, εἰ μὴ δὲ καὶ ὑπνωτικῶν, εἰς τρεῖς μορφὰς μεταβάλλομαι. ὁπόταν οἱ ἄνθρωποι ἔρχωνται εἰς ἐπιθυμίαν γυναικῶν, ἐγὼ μεταμορφοῦμαι ὡς θῆλυ εὐκοσμὸν καὶ ἁπτομένου μου οἱ ἄνθρωποι καθ' ὕπνον ἐμπαίζω αὐτούς. ποτὲ πάλιν ὑπόπτερος γένομαι ὑπὸ τοὺς οὐρανίους τόπους, φαίνομαι καὶ ὡς λέοντας. κελεύομαι ὑπὸ πάντων τῶν δαιμόνων. ἀπόγονος δέ εἰμι τοῦ ἀρχαγγέλου, καταργοῦμα[ι] ὑπὸ τοῦ ἀρχαγγέλου Οὐριὴλ τῆς δυνάμεως τοῦ θεοῦ». Ἐγὼ δὲ Σολομών, ἀκούσας τὸ ὄνομα τοῦ ἀρχαγγέλου, εὐξάμενος ἐδόξασα κύριον τὸν θεὸν τοῦ οὐρανοῦ καὶ τῆς γῆς καὶ σφραγίσας αὐτὸ[ν] ἔταξα εἰς τὴν ἐργασίαν τῆς λιθοτομίας τοῦ κόπτειν λίθους ἐν τῷ ναῷ ἀχθέντας διὰ θαλάσσης Ἀραβίας τοὺς κειμένους παρὰ τὸν αἰγιαλλόν. ἐφοβεῖτο οὖν τὸ σίδηρον προσψαῦσαι, λέγει· «δέομαί σου, βασιλεὺς Σολομών, ἔασόν με ἀνετὸν εἶναί με, κἀγώ σοι εὐαγγέλλω πάντα τὰ δαιμόνια». μὴ θέλοντος δὲ αὐτοῦ ὑποταγῆναί μοι εὐξάμενος τοῦ ἀρχαγγέλου Οὐριὴλ συνελθεῖν μοι εἰς βοήθειαν. καὶ εὐθέως εἶδον τὸν ἀρχάγγελον Οὐριὴλ ἐκ τῶν οὐρανῶν κατερχόμενον πρός με. καὶ ἐκέλευσεν ὁ ἄγγελος κήτη θαλάσσης ἐλθεῖν ἐκ τῆς ἀβύσσου, καὶ ἔρριψεν αὐτοῦ τὴν μοίραν ἐπὶ τῆς γῆς. καὶ ἐκέλευσεν τὸν δαίμονα τὸν μέγαν καὶ θρασὺ[ν] τὸν Ὀρνίαν τοῦ κόπτειν λίθους πρὸς τὸν ναόν. καὶ οὕτως ἐγὼ Σολομὼν ἐδόξασα τὸν θεὸν τοῦ οὐρανοῦ καὶ γῆς ποιητὴν καὶ ἐκέλευσα ἐλθεῖν τὸν Ὀρνίαν σὺν τῇ μοίρᾳ αὐτοῦ. καὶ ἔδωκα αὐτοῦ τὸ σφραγίδιον λέγων· «ἄπελθε καὶ ἄγαγέ μοι ὧδε τὸν ἄρχοντα λαβεῖν ἀπὸ τῆς βασιλείας μου. ||

ὁ δὲ Ὀρνίας λαβὼν τὸ δακτυλίδιον ἀπῆλθε πρὸς τὸν Βεελζεβοὺλ καὶ ἔφη αὐτῷ· «δεῦρο, καλεῖ σε ὁ Σολομών». ὁ δὲ Βέελζεβοὺλ λέγει αὐτῷ· «λέγει μοι, τίς ἐστὶν οὗτος ὁ Σολομών, ὃν σὺ λέγεις»; ὁ δὲ Ὀρνίας ἔρριψε τὸ δακτυλίδιον εἰς τὸ στῆθος τοῦ Βεελζεβοὺλ λέγων αὐτῷ· «δεῦρο, καλεῖ σε ὁ Σολομὼν ὁ βασιλεύς». καὶ ἀνέκραξεν ὁ Βεελζεβοὺλ ὡς ἀπὸ φλογὸς καιόμενος καὶ ἀναστὰς ἠκολούθησεν αὐτῷ μετὰ βίας καὶ ἦλθε πρός με. καὶ εἶδον ἐγὼ Σολομὼν τὸν ἄρχοντα τῶν δαιμονίων ἐρχόμενον πρός με. καὶ ἐδόξασα

τὸν θεὸν καὶ εἶπον· «εὐλογητὸς κύριος ὁ θεὸς ὁ παντοκράτωρ, ὁ ὑποτάξας εἰς ἐμὲ πᾶσαν τὴν τῶν δαιμόνων δύναμιν». καὶ ἐπηρώτησα (81) αὐτόν· «λέγε μοι, τίς εἶ σύ»; ὁ δαίμων λέγει· «ἐγώ εἰμι ὁ Βεελζεβούλ, τῶν δαιμόνων ὁ ἔξαρχος». ἀπῄτουν δὲ τοῦτον ἀδιαλήπτως ἔγγυθέν μοι προεδρεύειν καὶ ἐμφανίζειν τὴν κατὰ τῶν δαιμόνων φαντασίαν. αὐτὸς δέ μοι ἐπηγγείλατο πάντα τὰ ἀκάθαρτα πνεύματα ἀγαγεῖν πρός με δεδεμένα, καὶ πάλιν ἐδόξασα τὸν θεὸν τοῦ οὐρανοῦ καὶ τῆς γῆς. ἐπυθόμην δὲ καὶ ἠρώτησα τὸν δαίμονα Βεελζεβούλ, εἰ ἔστι δαίμων θήλεια ἔγγυος. τοῦ δὲ φήσαντος εἶναι ἐβουλόμην εἰδέναι. καὶ ἀπελθὼν ὁ Βεελζεβοὺλ ἔδειξέ μοι τὴν ὀνοσχελίδα μορφὴν ἔχουσαν περικαλῆ. ἐλθούσης δὲ αὐτῆς πρός με εἶπον αὐτῇ· «λέγε μοι, σὺ τίς εἶ»; ἡ δὲ ἔφη· «ἐγὼ ὀνοσχελίδα καλοῦμαι, πνεῦμα σεσωματωμένον φωλέων ἐπὶ τῆς γῆς, ἐν σπηλαίοις μὲν ἔχω τὴν κατοίκησιν, ἔχω δὲ πολυποίκιλον τρόπον. ποτὲ μὲν ἄνθρωπον πνίγω, ποτὲ δὲ ἀπὸ τῆς φύσεως σκελιάζω αὐτούς, πολλάκις δὲ καὶ συνγίνομαι τοῖς ἀνθρώποις ὡς γυναῖκα νομίζοντές με εἶναι, πρὸ πάντων δὲ τοὺς μελαντοχρόους[1]) ὅτι οὗτοι σύναστροί μού εἰσι. καὶ τὸ ἄστρον μοῦ οὗτοι λάθρα καὶ φανερῶς προσκυνοῦσι καὶ ἑυατοὺς βλάπτουσι». ἐπηρώτησα δὲ αὐτήν, πόθεν γεννᾶται. ἡ δὲ εἶπεν· «ἀπὸ φωνῆς ἀκροατῆς καλουμένης ἤχου οὐρανοῦ μολύβδο[υ] φωνὴν ἀφιέντος ἐν ὕλῃ ἐγεννήθην». εἶπον δὲ αὐτῇ· «ἐν ποίῳ ἄστρῳ ἔρχῃ»; ἡ δὲ εἶπεν· «ἐν Πανσελήνῳ, διὸ καὶ ἐν σελήνῃ τὰ πλείω ποιῶ». ἐγὼ δὲ εἶπον· «ποῖος ἄγγελός ἐστιν ὁ καταργῶν σε»; ἡ δὲ λέγει· «ὁ καὶ ἐν σοὶ βασιλεύσει». κἀγὼ εἰς χλεύην αὐτὰ λογισάμενος ἐκέλευσα στρατιώτην κροῦσαι αὐτήν. ἡ δὲ ἀνακράξασα εἶπε· «λέγω σοι, βασιλεῦ, ἐγὼ ὑπὸ τῆς δεδομένης σοι σοφίας τοῦ θεοῦ, ὑπὸ[2]) τὸ ὄνομα τοῦ ἁγίου Ἰωὴλ (въ рук. Ιηλ). διὸ ἐκέλευσα αὐτὴν νήθειν τὴν κανάβην εἰς τὰς σχοινίας τοῦ ἔργου τοῦ ναοῦ

[1]) Въ изд. т. μελιχρόους. [2]) Въ рук. εἶπον.

τοῦ θεοῦ. καὶ οὕτως σφραγίσας κατηργήθη ὥστε ἱστάναι νύκτα καὶ ἡμέραν νήθειν τὴν κάναβιν. καὶ ἐκέλευσα ἀχθῆναί μοι ἕτερον δαιμόνιον. καὶ ἤγαγέ μοι Ἀσμοδαῖον τὸν πονηρὸν δαίμονα δεδεμένον καὶ ἐπηρώτησα αὐτόν· «σὺ τίς εἶ»; ὁ δὲ βλοσυρὸν βλέμα βλέψας λέγει μοι. καὶ οὕτως τετιμωρημένος ἀποκρίνῃ. ὁ δὲ τὸ αὐτὸ βλέμμα προσχὼν καὶ εἰπέ μοι· «πῶς ἔχω σοι ἀποκριθῆναι; σὺ μὲν υἱὸς ἀνθρώπου εἶ κἀγὼ ἄγγελός εἰμι, καὶ διὰ θυγατρὸς ἀνθρώπου ἐγεννήθης, (82) ὥστε οὐδὲν ὑπερήφανον ῥῆμα οὐρανίου γένους πρὸς γηγενεῖς (въ рук. γαγενάν). τὸ ἄστρον μου ἐν οὐρανῷ φωτεύει καὶ οἱ ἄνθρωποί με καλοῦσιν ἅμαξαν, οἱ δὲ δρακοντοπόδα. διὰ τοῦτο καὶ μικρώτερα ἄστρα συμπάρεισιν τὸ ἐμὸν ἄστρον καὶ γὰρ τοῦ πατρὸς τὸ ἀξίωμα καὶ ὁ θρόνος ἐν οὐρανῷ ἐστί. πολλὰ δὲ μή με ἐπερωτᾷς, Σολομών. καὶ γὰρ τὸ βασίλειόν σου διαρραγήσεται ἐν καιρῷ, καὶ αὕτη σου ἡ δόξα πρόσκαιρός ἐστι, καὶ ὀλίγον χρόνον βασανίσαι με ἔχεις. καὶ πάλιν [ν]ομὴν ἐπανθρωπότητα ἔχομεν, ὥστε σέβεσθαι ἡμᾶς ὡς θεούς, μὴ γινοσκόντων τῶν ἀνθρώπων τὰ ὀνόματα τῶν καθ' ἡμῶν τεταγμένων ἀγγέλων». ἐγὼ δὲ Σολομῶν ἀκούσας ταῦτα ἐπιμελέστερον αὐτὸν ἐδέσμευσα καὶ ἐκέλευσα ῥαβδίζεσθαι καὶ ἀπολογηθῆναι, πῶς καλεῖται καὶ τίς ἡ ἐργασία αὐτοῦ. ὁ δαίμων εἶπε· «ἐγὼ Ἀσμοδαῖος καλοῦμαι ἐν ὅλῳ τῷ κόσμῳ, δύνομαι κακουργίας ἀνθρώπων, νεοννύμφον ἐπίβολός εἰμι, παρθένων κάλλος ἀφανίζω, καρδίας ἀλοιῶ. ἔφην δὲ αὐτῷ [1]) ||

εἶπον οὖν τῷ πρεσβύτῃ· «μεθ' ἡμέρας τρεῖς ἄγαγέ μοι ὧδε τὸν υἱόν σου καὶ διατάξω αὐτόν». οἱ δὲ προ[σ]κυνήσαντες ἀνεχώρησαν. καὶ πάλιν ἐκέλευσα ἐλθεῖν πρός με τὸν δαίμοναν Ὀρνίαν καὶ λέγω πρὸς αὐτόν· «λέγε μοι, πόθεν σὺ τὰ μέλλοντα γινώσκεις»; ὁ δὲ λέγει μοι· «ἡμεῖς οἱ δαίμονες ἀνερχόμεθα κατὰ τὸ στερέωμα τοῦ οὐρανοῦ καὶ μέσον τῶν ἀστέρων ἱπτάμεθα καὶ ἀκούομεν τὰς ἀποφάσεις (12v) τὰς ἐξερχομένας παρὰ θεοῦ

---

[1]) Здѣсь оканчивается Парижскій списокъ.

πρὸς τοὺς ἀγγέλους ἐπὶ τὰς ψυχὰς τῶν ἀνθρώπων. καὶ λοιπὸν ἐρχόμεθα εἰς τὴν γῆν καὶ εἴτε ἐν δυναστείᾳ εἴτε ἐν πυρὶ εἴτε ἐν ρομφαίᾳ εἴτε ἐν συμπτώματι μετασχηματιζόμενοι ἀναιροῦμεν. καὶ ἐάν τις ἀποθάνῃ ἐν ἀωρίᾳ ἢ βίᾳ τινί, μεταμορφούμεθα ἡμεῖς οἱ δαίμονες εἰς τὸ ὄνομα τοῦ τεθνεότος, ὥστε παραφαίνεσθαι τοῖς ἀνθρώποις καὶ σέβεσθαι ἡμᾶς». ἐγὼ δὲ ταῦτα ἀκούσας, ἐδόξασα κύριον τὸν θεὸν καὶ ἐπηρώτησα πάλιν τὸν δαίμονα· «λέγε μοι, πῶς δύνασθε εἰς τὸν οὐρανὸν ἀναβῆναι δαίμονες ὄντες καὶ μέσον τῶν ἀστέρων καὶ τῶν ἁγίων ἀγγέλων μιγῆναι»; ὁ δὲ ἔφη· «ὅσα ἐν τῷ οὐρανῷ ἐπιτελοῦνται, οὕτως καὶ οἱ ἐπὶ γῆς οἱ τύποι αὐτῶν. εἰσὶν γὰρ ἀρχαὶ ἐξουσίαι κοσμοκράτορες. καὶ ἱπτάμεθα ἡμεῖς οἱ δαίμονες ἐν τῷ ἀέρι καὶ ἀκούομεν τῶν ἐπουρανίων τὰς φωνὰς καὶ τὰς ἐπουρανίας δυνάμεις θεωροῦμεν. καὶ ὡς μὴ ἔχοντες βάσιν ἀναπαύσεως ἀτονοῦμεν καὶ ἐκπίπτομεν ἐξ οὐρανοῦ ὥσπερ φύλλα ἀπὸ τῶν δένδρων. καὶ θεωροῦντες ἡμᾶς οἱ ἄνθρωποι δοκοῦσιν, ὅτι ἀστέρες πίπτουσιν ἀπὸ τοῦ οὐρανοῦ, ἀλλ' οὐχ οὕτως ἐστίν, βασιλεῦ, ἀλλ' ἡμεῖς ἐσμέν. καὶ πίπτομεν ἐπὶ τὴν γῆν διὰ τὴν ἀσθένειαν ἡμῶν καὶ ἐν τῷ μηδαμόθεν ἔχειν[1]) ἀντιλέγειν καταπίπτομεν ὡς ἀστραπαὶ ἐν ἀωρίᾳ καὶ αἰφνηδίως. καὶ πόλεις καταφλέγομεν καὶ ἀγροὺς ἐμπυρίζομεν. οἱ δὲ ἀστέρες τεθεμελιωμένοι[2]) εἰσὶν ἐν τῷ οὐρανῷ ὥσπερ ὁ ἥλιος καὶ σελήνη». καὶ ταῦτα ἀκούσας ἐγὼ Σολομὼν ἐκέλευσα φρουρεῖσθαι τὸν δαίμονα ἄχρι ἡμερῶν ε̅. μετὰ δὲ τὰς ε̅ ἡμέρας ἐπεκαλεσάμην τὸν γηραιὸν ἔμπροσθέν μου. καὶ ἐλθὼν πρός με ὁ ἄνθρωπος κατὰ πένθος καὶ μεμελαμένῳ τῷ προσώπῳ αὐτοῦ, καὶ λέγω πρὸς αὐτόν· «εἰπέ, πρεσβύτα, ποῦ ἐστὶ ὁ υἱός σου καὶ τί τὸ σχῆμα τοῦ προσώπου σου»; ὁ δὲ ἔφη· «ἰδού, κύριε, ἄπαις ἐγενόμην καὶ ἀνέλπιστα τάφῳ υἱοῦ παρακαθέζομαι, ἤδη γὰρ ἡμέρας δύο νεκροῦ γεγονότος». ἐγὼ δὲ Σολομών, ἀκούσας ταῦτα καὶ γνούς, ὅτι ἀληθῆ εἰσὶν ὃ ἔφη μοι ὁ δαίμων 'Ορνίας, καὶ ἐδόξασα τὸν θεὸν Ἰσραήλ. (13) καὶ (ἡ βασίλισσα Νότου) εἶδε τὸν οἶκον κυ-

---

1) Въ рук. ἔχημεν. 2) Въ рук. τε θέμελοι ὅμοιον.

ρίου οἰκοδομούμενον, ἐχαρίσατο ἐν τῷ ναῷ κυρίου χρυσίου καὶ ἀργυρίου καὶ χαλκοῦ ἐκλεκτοῦ λίτρας μυριάδας ρ̄. καὶ εἰσῆλθεν εἰς τὸν ναὸν καὶ εἶδε τὸ θυσιαστήριον καὶ τοὺς ἀναφόρους τοὺς χαλκοὺς τοῦ θυσιαστηρίου καὶ τοὺς ἀναφόρους λίθους τῶν λύχνων ἐξαστράπτοντας ἐκ διαφόρων χρημάτων καὶ λύχνη τοῦ λίθου καὶ σμαράγδου καὶ ἰακίνθου καὶ σαμφύρου καὶ τὰ σκεύη τὰ χρυσᾶ καὶ τὰ ἀργυρᾶ καὶ χαλκᾶ καὶ ξύλινα καὶ ἐκ δερμάτων ἁπλώματα ἠρυθρηδανομένων. εἶδε καὶ τὰς βάσεις τῶν κιόνων τοῦ ναοῦ κυρίου ὑπὸ χαλκοῦ βαισιδώτου πλοκῇ περιπεπλεγμένων. εἶδε δὲ καὶ θάλασσαν τὴν χαλκῆν, ἣν ἐποίησα εἰς τὸ μῆκος ἔχουσα[ν] σταδίους καὶ ἐπὶ στάδιον καὶ τοὺς ιη̄ ταύρους. καὶ ἦσαν οἱ ἐργαζόμενοι εἰς τὸν ναὸν κυρίου οἱ πάντες χρυσίου ἑνὸς χωρὶς τῶν δαιμόνων ὧν κατέκρινα ἐργάζεσθαι. καὶ ἦν εἰρήνη κύκλῳ τῆς βασιλείας μου ἐπὶ πᾶσαν τὴν γῆν. ἐν ταύταις δὲ ταῖς ἡμέραις ἀπέστειλέν με ἐπιστολὴν ὁ βασιλεὺς Ἀράβων Ἀδάρκης ὀνόματι. ἡ δὲ γραφὴ τῆς ἐπιστολῆς ἔγραφεν οὕτως· «βασιλεῖ τῷ Σολομῶντι χαίρειν. ἰδοὺ ἠκούσαμεν καὶ ἀκουστὰ γέγονεν πάντα τὰ πέρατα τῆς γῆς τῇ ἐν σοὶ δεδομένῃ σοφίᾳ, καὶ ὅτι ἄνθρωπος ἐλεήμων παρὰ θεῷ εἶ σύ. (καὶ σύνεσις ἐδόθη σοι) ἐπὶ πάντων τῶν πνευμάτων ἀερίων τε καὶ ἐπιγείων καὶ καταχθονίων. ἐπειδὴ πνεῦμα πάρεστιν ἐν τῇ χώρᾳ τῆς Ἀραβίας τοιόνδε· ἐν τῷ ἑωθινῷ ἔρχεταί τις αὔρα ἀνέμου ἕως ὡρῶν γ̄ καὶ ἡ πνοὴ αὐτοῦ δεινὴ καὶ χαλεπὴ καὶ ἀποκτείνει ἀνθρώπους καὶ κτήνη, καὶ οὐ δυνάμεθα οὐδεμιᾷ πνοῇ ζῶντες ἐπὶ τῆς γῆς ζῆσθαι ἀπὸ τὴν δύναμιν τοῦ πνεύματος ἐκείνου. δέομαί σου, ἐπειδὴ ὡς ἄνεμός ἐστιν τὸ πνεῦμα, σόφισε δὴ κατὰ τὴν δεδομένην σοφίαν ὑπὸ κυρίου τοῦ θεοῦ σου καὶ καταξίωσον ἀποστεῖλαι δύναμιν καὶ ἄνθρωπον συλλαβέσθαι αὐτό. καὶ ἰδοὺ ἐγὼ ἔσομαι, βασιλεῦ Σολομών, καὶ πᾶς ὁ λαός μου καὶ ἡ γῆ μου ἅπασα δοῦλοί σου ἕως θανάτου καὶ εἰρηνεύσει πᾶσα Ἀραβία, ἐὰν τὴν δικαιοσύνην ταύτην ποιήσεις πρὸς ἡμᾶς, δι' ὃ δεόμεθά σου, μὴ παραβλέψῃς τὴν ἱκεσίαν ἡμῶν, ὅτι σου οἰκέται ἐσμὲν ἐγὼ καὶ ὁ λαός μου καὶ πᾶσα ἡ γῆ μου. ἐρρῶσθαι τὸν ἐμὸν κύριον (13ᵛ) ἀεὶ διὰ παντός». ἐγὼ δὲ Σολομών, ἀναγνοὺς τὴν ἐπιστο-

λὴν ταύτην, ἀπέδωκα τῷ λαῷ μου εἰπόντος· «μετὰ ζ ἡμέρας ὑπομνήσατέ με περὶ τῆς ἐπιστολῆς ταύτης». καὶ ἦν Ἱερουσαλὴμ οἰκοδομουμένη καὶ ὁ ναὸς συνεπληροῦτο. καὶ ἦν λίθος ἀκρογωνιαῖος κείμενος μέγας ἐκλεκτός, ὅντινα ἐβουλόμην θῆναι εἰς τὴν κεφαλὴν τῆς γωνίας τῆς συμπληρώσεως τοῦ ναοῦ τοῦ θεοῦ. καὶ πάντες οἱ τεχνῖται καὶ πάντες οἱ δαίμονες οἱ συνυπεργοῦντες ἦλθον ἐπὶ τὸ αὐτὸ ὥστε ἀναγαγεῖν τὸν λίθον καὶ θεῖναι αὐτὸν ὑπὸ τὸ πτερύγιον τοῦ ναοῦ τοῦ ἱεροῦ καὶ οὐκ ἴσχυσαν σαλεῦσαι αὐτόν. ἦν γὰρ ὁ λίθος ἐκεῖνος πάνυ μέγας καὶ χρήσιμος εἰς τὸ τεθῆναι ἐπὶ τῆς γωνίας τοῦ ἱεροῦ. καὶ μετὰ τὰς ἑπτὰ ἡμέρας ἐμνήσθην τῆς ἐπιστολῆς Ἀδάρκου βασιλέως Ἀράβων καὶ ἐπεκαλεσάμην τὸν παιδί μου καὶ εἶπον αὐτῷ· «ἐπίσαξον τὸν κάμηλόν σου καὶ λαβὲ μετά σου ἀσκόν, λαβὲ δὲ καὶ τὴν σφραγῖδα ταύτην καὶ ἄπελθε εἰς τὴν Ἀραβίαν ἐπὶ τὸν τόπον, ἐν ᾧ τὸ πονηρὸν πνεῦμα πνέει. καὶ κρατήσας τὸν ἀσκὸν ἐπιτηδείως εἰς τὸν τόπον, ὅθεν ἐξέρχεται ἡ πνοὴ τοῦ δαίμονος, ὁμοίως δὲ τὸ δακτυλίδιον. καὶ ἐν τῷ πνευματωθῆναι τὸν ἀσκὸν τότε συνήσεις, ὅτι ὁ δαίμων ἐστίν. καὶ σπουδῇ περιδήσας τὸ στόμα τοῦ ἀσκοῦ σφράγισον αὐτὸν μὲ τὸ δακτυλίδιον καὶ ἐπίσαξον αὐτὸν ἐπὶ τὸν κάμηλον καὶ ἐλθὲ πρὸς ἡμᾶς. καὶ ἐὰν κατὰ τὴν ὁδὸν τάξηταί σοι χρυσίον ἢ ἄργυρον, ὅπως ἀπολύσῃς αὐτόν, βλέπε μὴ πεισθῇς καὶ ἀπολύσῃς αὐτόν. σύνταξον δὲ αὐτοῦ ἄνευ ὅρκου. καὶ ἐὰν ὑποδείξῃ σοι τόπον ἔχοντα χρυσίου καὶ ἀργυρίου, σημειωσάμενος τοὺς τόπους, [σ]φράγισαι τὸν τόπον τοῦ χρήματος καὶ αὐτὸν ἄγαγέ μοι ὧδε. ἤδη ἄπελθε ὑγιαίνων». τότε ὁ παῖς τὰ ἐντελόμενα ἐποίησεν καὶ ἐπέσαξεν τὸν κάμηλον καὶ ἔθηκεν τὸν ἀσκὸν ἐπὶ τὸν κάμηλον καὶ ἐπορεύθη εἰς τὴν Ἀραβίαν. καὶ οἱ ἄνθρωποι τοῦ τόπου ἐκείνου ἠπίστουν, εἰ ἄρα τὸ πνεῦμα τὸ πονηρὸν δυνήσεται συλλαβέσθαι. ὄρθρου δὲ γενομένου ἀναστὰς ὁ οἰκέτης ἔστη κατενώπιον τοῦ πνεύματος τῆς πνοῆς καὶ ἔθηκεν τὸν ἀσκὸν ἐπὶ τὸ ἔδαφος καὶ τὸ δακτυλίδιον (14) ἐπὶ τὸ στόμα τοῦ ἀσκοῦ. καὶ ἐπνευματώθη ὁ ἀσκός. ὁ δὲ παῖς συντόμως ἔδησεν τὸ στόμα τοῦ ἀσκοῦ ἐπὶ τῷ ὀνόματι κυρίου Σαβαὼθ καὶ ἔμεινε ἔσω ὁ δαίμων ἐν τῷ ἀσκῷ. καὶ μετὰ τοῦτο ἔμεινεν ὁ παῖς ἐν τῇ

χώρᾳ ἐκείνῃ ἡμέρας τρεῖς εἰς ἐπίδειξιν. καὶ οὐκέτι ἔπνευσεν τὸ πνεῦμα πλεῖον ἐν τῇ χώρᾳ ἐκείνῃ. καὶ ἔγνωσαν πάντες οἱ Ἄραβες, ὅτι ἀσφαλῶς συνέκλεισεν τὸ πνεῦμα. τότε ἐπίσαξεν τὸν ἀσκὸν ὁ παῖς ἐπὶ τὸν κάμηλον. καὶ ἐξαπέστειλαν τὸν παῖδα οἱ Ἄραβες μετὰ τιμῆς πολλῆς καὶ δῶρα πολλὰ ἐδωροφόρησαν τὸν παῖδα, ἐπαίνους καὶ δόξαν πεμψάμενοί μοι. ὁ δὲ παῖς εἰσήγαγεν τὸν ἀσκὸν καὶ ἔστηκεν αὐτὸν εἰς τὸ μέσον τοῦ ναοῦ. τῇ δὲ ἐπαύριον ἐλθὼν ἐγώ, Σολομών, εἰς τὸν ναὸν τοῦ θεοῦ, ἤμην ἐν λύπῃ πολλῇ περὶ τοῦ λίθου τοῦ ἀκρογωνιαίου. καὶ ἐν τῷ εἰσέρχεσθαί μοι εἰς τὸν ναὸν κυρίου, ἀναστὰς ὁ ἀσκὸς πεφυσημένος ἐπεριεπάτησεν ἑπτὰ βήματα καὶ ἐλθὼν ἔμπροσθέ[ν] μου ἔπεσεν ἔμπροσθέν μου κύπτον[1]) τὸ στόμα τοῦ ἀσκοῦ ἐπὶ τὴν γῆν καὶ ἐπροσκύνησέ μοι. ἐγὼ δὲ ταῦτα θεωρήσας ἐθαύμασα, ὅτι καὶ ἐν ἀσκῷ δεδεμένος ὁ δαίμων δύναμιν ἔσχεν καὶ ἐπεριεπάτει. ἐγὼ δὲ ἐκέλευσα αὐτὸν ἀναστῆναι. καὶ ἀνέστη ὁ ἀσκὸς καὶ ἔστη ἐν τοῖς ποσὶν πεφυσημένος. καὶ ἐπηρώτησα αὐτὸν λέγων· «εἰπέ μοι, τίς εἶ»; καὶ ἔφη ἔσωθεν τὸ πνεῦμα· «ἐγώ εἰμι ὁ δαίμων ὁ λεγόμενος Ἐφίππας, ὃ ἤμην ἐν τῇ Ἀραβίᾳ». ἐγὼ δὲ εἶπον αὐτῷ· «ποίῳ ἀγγέλῳ καταργεῖσαι»; ὁ δὲ εἶπεν· «ὁ μονάρχης θεὸς ὁ ἔχων ἐξουσίαν κατ᾽ ἐμοῦ ὁ καὶ μέλλων ἐκ παρθένου τίκτεσθαι καὶ ὑπὸ Ἰουδαίων μέλλει σταυρωθῆναι ἐπὶ ξύλου, ὃν προσκυνοῦσιν ἄγγελοι ἀρχάγγελοι, ἐκεῖνός με καταργεῖ καὶ ἀτονεῖ μου τὴν πολλήν μου δύναμιν τῆς δοθείσης μου ὑπὸ τοῦ πατρός μου τοῦ διαβόλου». ἐγὼ δὲ λέγω πρὸς αὐτόν· «τί δύνασαί μοι ποιῆσαι»; ὁ δὲ ἔφη· «ἐγὼ δυνατός εἰμι ὄρη σαλεῦσαι, οἰκίας βασιλείων καταλαβεῖν, δένδρα ἀπέταλλα ξηραίνω». καὶ εἶπον αὐτῷ· «δύνασαι ἐπάραι τὸν λίθον τοῦτον καὶ θέσαι αὐτὸν εἰς τὴν ἀρχὴν τῆς γωνίας ταύτης τῆς οὔσης ἐν τῇ εὐπρεπείᾳ τοῦ ναοῦ»; ὁ δὲ ἔφη· «δύνομαι καὶ τοῦτον ἐπάραι καὶ τὸν κίοναν τὸν ἐν τῷ βυθῷ τῆς θαλάσσης (14ᵛ) τῆς Ἐρυθρᾶς θαλάσσης, ὅνπερ βαστάζει ἕτερος δαίμων φυλάττων αὐτὸν ἐκεῖ ἕως τὴν σήμερον, καὶ αὐτὸν

---

[1]) Въ рук. κήπον.

θέσω ὅπου βούλῃ ἐν Ἱερουσαλήμ». ταῦτα εἰπών, ἐπέδειξα αὐτοῦ τὸν λίθον. ὁ δὲ ἀσκὸς ἐγένετο ὡσεὶ ἐκφυσηθεὶς καὶ διέζωσεν ἑαυτὸν καὶ ἐπῆρε τὸν λίθον ἐπάνω τοῦ ἀσκοῦ. καὶ ἀνῆλθεν ὁ ἀσκὸς τὰς σκάλας βαστάζων τὸν λίθον καὶ ἔθηκεν αὐτὸν εἰς τὴν ἄκραν τῆς εἰσόδου τοῦ ναοῦ. ἐγὼ δὲ Σολομών, ἰδὼν τὸν λίθον ἐπηρμένον καὶ τεθεμελιωμένον, ἐθαύμασα καὶ εἶπον· «ἀληθῶς ἡ γραφὴ εἶπεν — «λίθον, ὃν ἀπεδοκίμασαν οἱ οἰκοδομοῦντες, οὗτος ἐγενήθη εἰς κεφαλὴν γωνίας» — ὅτι τοῦ θεοῦ τὸ θέλημά ἐστιν τῷ δώσαντι τὴν ἰσχὺν δαίμονος [ἐ]πάραι λίθον τοσοῦτον μέγεθος καὶ ἀποτεθῆναι εἰς τὸν τόπον ὃν ἐβουλόμην». καὶ ἀπελθὼν ὁ Ἐφίππας ἀνήγαγεν τὸν δαίμοναν καὶ τὸν κίοναν ἀμφότεροι βαστάζοντες ἀπὸ τῆς Ἀραβίας. ὡς δὲ ἐθεασάμην τὸν κίοναν φέροντες εἰς ὕψος τοῦ ἀέρος βαστάζοντες πάντες οἱ θεωροῦντες τὸ θαῦμα ἐξεπλάγησαν. ἐγὼ δὲ κατασοφισάμενος, ὅτι τὰ δύο πνεύματα ταῦτα ἠδύναντο ὅλην τὴν οἰκουμένην σαλεῦσαι ἐν ῥυπῇ, περιεσφράγισα ἔνθεν καὶ ἔνθεν μετὰ τοῦ δακτυλιδίου καὶ εἶπον πρὸς τοὺς δαίμονας· «ἐπ' ὀνόματος κυρίου Ἰσραὴλ θεοῦ Σαβαὼθ στῆτε, δαίμονες, μετὰ τοῦ κιονίου εἰς τὸ ὕψος τοῦ ἀέρος ἐν τῷ τόπῳ τούτῳ, βαστάζοντες τὸν κίονα ἕως τῆς συντελείας τοῦ αἰῶνος». καὶ ἔμειναν τὰ πνεύματα εἰς τὸν τόπον βαστάζοντες τὸν κίοναν ἕως καὶ τὴν σήμερον εἰς ἀπόδειξιν τῆς δεδομένης μοι σοφίας. καὶ ἦν κρεμάμενος ὁ κίονας ἐν μεγέθει φρικτῷ εἰς τὸν ἀέρα ὑπὸ τῶν πνευμάτων βασταζόμενος, φερόμενος ὡς ὑπὸ λοξήγον οὐχὶ ὀρθῶς καὶ ἔστιν ἕως καὶ τὴν σήμερον. καὶ ἐγὼ Σολομὼν ἐπηρώτησα τὸ ἕτερον τὸ ἐν τῇ ἐν Ἀραβίᾳ τῆς Ἐρυθρᾶς θαλάσσης· «σὺ τίς καλεῖσαι καὶ τί σοῦ ἡ ἐργασία, ὅτι πολλὰ ἀκούω παρά σου»; ὁ δὲ δαίμων ἔφη· «ἐγώ, βασιλεῦ, καλοῦμαι Ἀβεζεβιθοῦ καί ποτε ἐκαθεζόμην ἐν τῷ πρώτῳ οὐρανῷ, οὗ τὸ ὄνομα τοῦ ἀγγέλου τοῦ καταργοῦντός με Ἀβελούθ. ἐγώ εἰμι χαλεπὸν (15) πνεῦμα πτερωτὸν καὶ μονόπτερον, πολλὰ κακὰ ἐνεργῶν. ὅθεν ἐγώ εἰμι, ὅταν ὁ Μωϋσῆς εἰσήρχετο εἰς Φαραὼ βασιλέως Αἰγύπτου, σκληρύνων αὐτοῦ τὴν καρδίαν. ἐγώ εἰμι ὃν ἐπικαλοῦντο Ἰανῆς καὶ Ἰαμβρὶς οἱ μαχόμενοι τῷ Μωϋσῇ ἐν τοῖς τέρασι καὶ τοῖς σημείοις». εἶπον δὲ ἐγὼ αὐτῷ·

«πῶς οὖν εὑρέθης ἐν τῇ Ἐρυθρᾷ θαλάσσῃ»; ὁ δὲ λέγει μοι· «ἐν τῇ ἐξόδῳ τῶν υἱῶν Ἰσραὴλ ἐγὼ ἐσκλήρουν τὴν καρδίαν Φαραῶ καὶ ἀνεπτέρωσα αὐτοῦ τὴν καρδίαν καὶ τῶν θεραπόντων αὐτοῦ καὶ ἐποίησα αὐτούς, ὅπως καταδιώξουσιν ὀπίσω τῶν υἱῶν Ἰσραήλ, καὶ συνεκολούθησεν Φαραὼ καὶ πάντες οἱ Αἰγύπτιοι. τότε ἐγὼ παρήμην ἐκεῖ καὶ ἐσυνηκολούθησάν με. καὶ ἀνήλθομεν ἅπαντες ἐν τῇ Ἐρυθρᾷ θαλάσσῃ. καὶ ἐγένετο ὅτε διεπέρασαν υἱοὶ Ἰσραήλ, ἐπαναστραφὲν τὸ ὕδωρ ἐκάλυψεν πᾶσαν τὴν παρεμβολὴν τῶν Αἰγυπτίων καὶ πᾶσαν τὴν δύναμιν αὐτῶν, εὑρέθην οὖν ἐγὼ ἐκεῖ καὶ ἐκάλυψέν με τὸ ὕδωρ καὶ ἔμεινα ἐν τῇ θαλάσσῃ τηρούμενος ὑποκάτω τοῦ κίονος τούτου ἕως τὴν σήμερον. ὡς δὲ ἦλθεν Ἐφίππας πεμφθεὶς παρά σου ἐν ἀγγείῳ ἀσκοῦ ἐγκλεισθεὶς καὶ ἀνεβίβασέν με πρός σε». κἀγὼ Σολομών, ἀκούσας ταῦτα, ἐδόξασα τὸν θεὸν καὶ ὅρκισα τοὺς δαίμονας, ὥστε μὴ παρακοῦσαί μου ἀλλὰ μεῖναι βαστάζοντες τὸν κίοναν. καὶ ὤμοσαν ἀμφότεροι λέγοντες· «ζῇ κύριος ὁ θεός, ὃς παρέδωκεν ἡμᾶς ὑποχειρίους σου, οὐ μὴ ἀποθώμεθα τὸν στῦλον τοῦτον ἐπὶ γῆς ἕως τῆς συντελείας τοῦ αἰῶνος. εἰς δ' ἂν ἡμέραν πέσῃ ὁ λίθος οὗτος, τότε ἔσται ἡ συντέλεια τοῦ αἰῶνος». ἐγὼ δὲ Σολομὼν ἐδόξασα τὸν θεὸν καὶ ἐκόσμησα τὸν ναὸν κυρίου πάσῃ εὐπρεπείᾳ. καὶ ἤμην εὐθυμῶν ἐν τῇ βασιλείᾳ μου καὶ εἰρήνη ἐν ταῖς ἡμέραις μου. ἐγὼ δὲ ἔλαβον γυναῖκας εἰς ἀνάπαυσίν μου ἀπὸ πάσας χώρας ὧν οὐκ ἦν ἀριθμός. καὶ ἐπορεύθην πρὸς τοὺς Ἰεβουσαίους καὶ εἶδον ἐκεῖ θυγατέραν ἀνθρώπου Ἰεβουσαίαν καὶ ἠγάπησα αὐτὴν σφόδρα ὡς πολλὰ ὡραίαν οὖσαν. καὶ ἐζήτησα αὐτὴν ἵνα μου γυναῖκαν μετὰ τῶν ἑτέρων γυναικῶν καὶ εἶπον πρὸς τοὺς ἱερεῖς αὐτῶν· «δότε μοι τὴν παῖδα ταύτην εἰς γυναῖκά μου». καὶ (15ᵛ) εἶπον πρός με ἱερεῖς τοῦ Μολόχ, διότι εἴδωλα ἐσεβόντισαν· «ἐὰν ἀγαπᾷς τὴν παρθένον, εἴσελθε δὲ καὶ προσκύνησον τοὺς θεοὺς ἡμῶν τῷ μεγάλῳ θεῷ ἡμῶν Ραφὰν καὶ Μολὸχ καὶ λαβὲ αὐτήν». ἐγὼ δέ, φοβηθεὶς τὴν δόξαν τοῦ θεοῦ ἡμῶν, οὐκ ἠθέλησα προσκυνῆσαι ἀλλ' εἶπον αὐτοῖς· «κἀγὼ οὐ προσκυνῶ θεῷ ἀλλοτρίῳ, καὶ τίς δὲ ὑπόθεσις, ὅτι τοῦτό με ἀναγκάζετε ποιῆσαι»; οἱ δὲ εἶπον· «ἵνα

ὁμοιωθῇς τῶν πατέρων ἡμῶν». ἐμοῦ δὲ πυθομένου ὅτι οὐδαμῇ προσθύσω θεοῖς ἀλλοτρίοις, αὐτοὶ παρήγγειλαν τὴν παρθένον τοῦ μὴ κοιμηθῆναί μοι, ἐὰν μὴ πεισθῶ θῦσαι τοῖς θεοῖς αὐτῶν. κἀγὼ οὖν ὁ δόλιος καὶ πανάθλιος κινουμένου μου πικροῦ καὶ ἀσώτου βέλους τοῦ ἔρωτος τῆς κόρης, ἔδωκα ἐπίσχυσιν. καὶ ἔφερέν μοι ε̅ ἀκρίδας λέγων μοι· «λάβε ταύτας τὰς ἀκρίδας καὶ σύντριψον αὐτὰς ἐπ' ὀνόματι τοῦ θεοῦ Μολὸχ καὶ Ραφὰ καὶ κοιμηθήσομαι μετά σου». ὅπερ καὶ ἐτέλεσα ἐγὼ τὴν ἀπώλειαν ταύτην. καὶ ταῦτα ποιήσας ὁ ἄθλιος, εὐθὺς ἀπέστη ἀπ' ἐμοῦ τὸ πνεῦμα τὸ ἅγιον τοῦ θεοῦ καὶ ἅπασα ἡ δόξα καὶ ἡ σοφία καὶ ἐγενόμην ἀσθενής, καὶ τὰ ῥήματά μου ὡς ἡ λῆρος, ἐξ οὗ καὶ ἠναγκάσθην παρ' αὐτοῖς κτίσαι ναὸν τῶν εἰδώλων Τηβὰλ καὶ Ραφὰ καὶ τὸν Μολὸχ καὶ τῶν λοιπῶν εἰδώλων, ὅπερ ἐγὼ ὁ δύστηνος κατηργασάμην ἅπαντα. καὶ τελείως ἀπέστη ἀπ' ἐμοῦ ἡ δόξα τοῦ θεοῦ καὶ ἐσκοτίσθη τὸ πνεῦμά μου καὶ ἐγενόμην γέλως τοῖς εἰδώλοις καὶ παίγνιον τοῖς δαίμοσιν. διὰ γὰρ τοῦτο ἀπέγραψα ταύτην μου τὴν διαθήκην, ἵνα οἱ ἀκούοντες εὔχησθέ μοι ὅπερ ῥυσθῶ τοῦ σκότους καὶ τῆς κολάσεως τῆς πικρᾶς ὡς θεῷ παρήκωος καὶ προσέχητε ὀφεῖλην τοῖς ἀνθρώποις τοῖς ἐσχάτοις τὰ μᾶλλον ἢ τοῖς πρώτοις ἵνα εὕρητε χάριν εἰς τοὺς αἰῶνας, ἀμήν.

II.

Афонскаго монастыря Діонисіата № 132.

Περὶ τοῦ Σολομῶντος.

Ὁ Σολομὼν υἱὸς Δαβὶδ ἐγένετο ἐκ τῆς τοῦ Οὐρίου γυναικός. ἐγένετο δὲ οὕτως. ἐσκέψατο Δαβὶδ ὁ βασιλεὺς τὴν τοῦ Οὐρίου γυναῖκα ἐν τῷ βαλανίῳ γυμνὴν καὶ ἐμβατεύσας ὁ σατανᾶς εἰς τὴν καρδίαν αὐτοῦ ἔρωτα ἐπιθυμίας ἐμοίχευσεν αὐτὴν καὶ οὐ μόνον τὸ τῆς μοιχείας ἔργον εἰργάσατο, ἀλλὰ καὶ φονεῦσαι προήχθη τὸν Οὐρίαν τὸν ἄνδρα τῆς μοιχευθείσης. ὁ ἀγαπητὸς τοῦ θεοῦ ὁ μέγας προφήτης ὁ ἐκλεκτὸς τοῦ θεοῦ ὁ μέγιστος τοῖς πᾶσιν ὁ τῆς ψαλμωδίας καλλωπισμὸς ὁ μεγαλώνυμος θεοπάτωρ ὁ τῆς παλαιᾶς καὶ νέας διαθήκης σημειοφόρος ἠπατήθη γὰρ παρὰ τοῦ Βελιὰρ καὶ ἀρχεκάκου ἐχθροῦ, ἠπατήθη γὰρ ὡς ὁ πρωτοπλάστος ἐκεῖνος Ἀδάμ. ἐφονεύθη δὲ Οὐρίας ἀποστειλεὶς παρὰ τοῦ Δαβὶδ εἰς τὸν πόλεμον καὶ ταχθεὶς βουλήσει αὐτοῦ καὶ θελήσει εἰς τὸ ἔμπροσθεν τοῦ πολέμου, ὅπως καταληφθεὶς μόνος καὶ μὴ ἔχων τὸν βοηθοῦντα φονευθῇ, ὅπερ δὴ καὶ γέγονεν. πρὸ δὲ τοῦ ταῦτα γενέσθαι ἦλθεν ἄγγελος κυρίου εἰς Ναθὰν τὸν προφήτην λέγων αὐτῷ· «ἄπελθε εἰς τὸν Δαβὶδ τὸν βασιλέα τὸν προφήτην καὶ δίδαξον αὐτὸν τοῦ μὴ ποιῆσαι (367ᵛ) τὰ ἄθεσμα ἔργα τοῦ σατανᾶ». ἐξελθὼν δὲ ὁ Ναθὰν ἄπεισι πρὸς τὸν Δαβὶδ καὶ ἐνεμποδίσθη παρὰ τοῦ Βελιάρ. εὗρε γὰρ ὁ διάβολος ἄνθρωπον ἐσφαγμένον γυμνὸν καὶ ἄρας αὐτὸν ἔθηκεν τῇ ὁδῷ τοῦ Ναθάν. ἰδὼν δὲ τὸν νεκρὸν ἄνθρωπον ὁ Ναθὰν ἐβουλήθη θάψαι αὐτόν, καὶ ἐν τῷ θάπτειν ἐπλήρωσεν ὁ Δαβὶδ τὰ ἄθεσμα ἔργα τοῦ σατανᾶ· καὶ ἐπιγνοὺς τοῦτο Ναθὰν ὁ προφήτης ἐθρήνει πικρῶς καὶ ἔλε-

γεν· «δι' ἐμὲ γέγονε τοῦτο τὸ ἁμάρτημα». καὶ πάλιν ἐλθὼν ὁ ἄγγελος πρὸς αὐτὸν ἔλεγε· «διὰ σοῦ γέγονε τὸ πτῶμα, διὰ σοῦ ἔσται καὶ ἡ διόρθωσις. ἄπελθε τοίνυν καὶ ἔλεγξον αὐτῷ τὴν ἀνομίαν». καὶ λέγει Ναθὰν πρὸς τὸν ἄγγελον· «πῶς ἐγὼ πένης ὢν ἐλέγξω βασιλέα»; ὁ δὲ ἄγγελός φησι πρὸς αὐτόν· «ἐγὼ ἔσομαι μετά σου. σὺ ἀνάγγειλον, ἐγὼ δὲ τὸν φόβον φέρω εἰς αὐτόν». καὶ ἀπελθὼν Ναθὰν πρὸς τὸν Δαβὶδ προσεκύνησεν αὐτῷ καὶ εἶπε· «δέσποτα βασιλεῦ, δίκην ἔχω μετά τινος καὶ ἦλθον τοῦ εἰπεῖν πρός σε ταύτην». ὁ δὲ βασιλεὺς πρὸς αὐτὸν λέγει· «τίς ἐστὶν ἡ δίκη αὕτη»; ὁ δὲ Ναθὰν παραβολικῶς ἔλεγε· «δεσπότην ἔχω τὸν δεσπόζοντά με, καὶ κέκτηται ἀμνάδας ἑκατὸν καὶ εὐφραίνεται μετ' αὐτῶν, (368) ἐγὼ δὲ κέκτημαι ἀμνάδα μίαν, καὶ ἔλαβεν αὐτὴν ἀπ' ἐμοῦ ὁ τὰς ἑκατὸν ἔχων καὶ κατέφαγεν αὐτήν». τότε ἔγνω ὁ Δαβὶδ τὸ σκευασθὲν αὐτῷ δράμα καὶ ἀναστὰς ἐκ τῆς κλίνης αὐτοῦ στενάξας πικρῶς μετὰ δακρύων ἔλεγεν· «ἐγώ εἰμι ὁ ταῦτα διαπραξάμενος». καὶ ἤρξατο κατανυκτικῶς λέγειν τὸν πεντηκοστὸν ψαλμόν. καὶ ὁ Ναθὰν πρὸς αὐτόν· «καὶ ἀφείλετο λοιπὸν κύριος ὁ θεὸς τὸ ἁμάρτημά σου».

Ἔτεκε Δαβὶδ τὸν Σολομῶντα ἐκ τῆς τοῦ Οὐρίου καὶ ἔλαβε τὴν βασιλείαν τοῦ πατρὸς αὐτοῦ Δαβὶδ καὶ ἦν ἐληλακὼς εἰς ἄκρον σοφίας καὶ φρονήσεως καὶ ἡ σειρὰ τῆς γενεαλογίας αὐτοῦ κατήντησε μέχρι καὶ τῆς θείας σαρκώσεως τοῦ κυριου ἡμῶν Ἰησοῦ Χριστοῦ, ἐπεί ἐστι καὶ αὐτὸς ἐκ φυλῆς μᾶλλον δὲ ἐξ ὀφύος τοῦ θεοπάτορος Δαβίδ, ἵνα καὶ ἡ προφητικὴ ῥῆσις πληρωθῇ ἡ λέγουσα· «οὐκ ἐκλείψει ἄρχων ἐξ Ἰούδα οὐδὲ ἡγούμενος ἐκ τῶν μηρῶν αὐτοῦ ἕως οὗ ἔλθῃ ὃ ἀπόκειται». ἡ σοφία δὲ Σολομῶντος ὁμοία ἦν τῇ σοφίᾳ τοῦ πρώτου ἐκείνου ἀνθρώπου Ἀδάμ. ἐπαιδεύθη ταύτην τὴν σοφίαν τὴν μὲν τοῦ θαυμασίου Σιράχ, τὴν δὲ παρὰ τῆς ἄνω προνοίας. τούτου δὲ τὴν σοφίαν ἐμφαίνων ὁ κύριος ἐν τοῖς εὐαγγελίους ἔλεγε, ὅτι οὐδὲ σοφία (368ᵛ) Σολομῶντος ὑψηλοτέραν οἶμαι τῶν ἄλλων, ταύτην κρίνας ὥσπερ δῆτα καὶ ἦν. ταύτῃ τῇ σοφίᾳ θαρρήσας ὁ θαυμάσιος Σολομὼν ἐβουλήθη ἀνεγεῖραι οἶκον κυρίῳ τῷ θεῷ περικαλλῆ καὶ κρείττονα πάν-

των τῶν ἀναθημάτων τῶν ἐπὶ τῆς γῆς. ἐγένετο δὲ καὶ ἀνεγείρετο ὁ οἶκος κυρίου τοῦ θεοῦ θελήσει καὶ σοφίᾳ καὶ δημιουργίᾳ θεοῦ διὰ τοῦ σοφοῦ Σολομῶντος καὶ τῆς τούτου προθυμίας. ἀνήγειρε τοίνυν μετὰ μεγάλης εὐπρεπείας τὸν τοιοῦτον ναὸν αὐτός τε καὶ οἱ παῖδες αὐτοῦ.

Ἔσχε δὲ ἕνα ἀπὸ πῶν παίδων αὐτοῦ ποθεινότατον παρὰ πάντας. τὰ γὰρ σιτία καὶ τὰς τροφὰς καὶ τὰ ἱμάτια ἐπὶ τὸ διπλοῦν παρεῖχεν αὐτῷ. ἦν δὲ ὁ τοιοῦτος παῖς ἀηδὴς τῇ ὄψει καὶ τὸ πρόσωπον ἀκαλλώπιστος. καὶ ἐλυπεῖτο βλέπων αὐτὸν οὕτως ἔχοντα ὁ Σολομών. ἐν μιᾷ δὲ τῶν ἡμερῶν φησί πρὸς αὐτόν· «πῶς οὕτως ἀηδῶς ἔχεις; τί σὲ τῶν παρόντων λυπεῖ; μὴ οὐ λαμβάνεις τὰ πάντα διπλᾶ παρ' ἐμοῦ»; καὶ ὁ παῖς φησί πρὸς τὸν βασιλέα· «τὰ μὲν σιτία, δέσποτα βασιλεῦ, ἅπερ μοι παρέχεις, πάντα καταναλίσκω, οὐκ εὐφαίνει δὲ ἀπὸ τούτων οὐδέν. καταλαμβάνει γὰρ ἐπ' ἐμὲ διὰ τῆς νυκτὸς δαιμόνιον πονηρὸν καὶ ἀκάθαρτον καὶ ὑποπιάζει καὶ ἐκθλίβει τὸ ἄκρον τοῦ δακτύλου μου καὶ ἀπεργάζεται (369) τὴν ὄψιν μου τοιαύτην οἵαν ὁρᾷς ἀηδῆ καὶ σκηπτώπην». ἀκούσας δὲ τὸ ῥῆμα τοῦτο ὁ Σολομὼν ἐποίησεν ὑπὲρ τούτου ἔντευξιν καὶ παράκλησιν πρὸς κύριον τὸν θεόν. καὶ ἀπεστάλη πρὸς αὐτὸν Μιχαὴλ ὁ ἀρχάγγελος μετὰ σφραγῖδος χαλκοῦ δακτυλίου καὶ δέδωκε τὴν τοιαύτην σφραγῖδα πρὸς τὸν Σολομῶντα καί φησι· «ἐπίδος τῷ παιδὶ τὴν τοιαύτην σφραγῖδα καὶ κατεχέτω ταύτην ἐν τῇ κλίνῃ αὐτοῦ καὶ ὁπόταν ἔλθῃ πρὸς αὐτὸν ὁ διάβολος, κρουσάτω τοῦτον μετὰ τῆς σφραγῖδος ἐπὶ τὸ στῆθος καὶ δήσας ἀγαγέτω τοῦτον πρός σε. μέλλεις γὰρ ὑποτάξαι πᾶν δαιμόνιον μετ' αὐτοῦ καὶ τῆς σφραγῖδος τοῦ θεοῦ καὶ οἰκοδομῆσαι τὸν οἶκον τοῦ θεοῦ μετὰ τοῦ πλήθους πονηρῶν δαιμόνων σὺν τοῖς ἀνθρώποις». λαβὼν δὲ ὁ Σολομὼν τὴν σφραγῖδα καὶ εὐχαριστήσας τῷ ἁγίῳ θεῷ, ἀπῆλθεν ἀπ' αὐτοῦ ὁ ἄγγελος. καὶ προσκαλεσάμενος τὸν παῖδα δέδωκε τὴν σφραγῖδα ἀναγγείλας αὐτῷ τὸ προσαχθὲν παρὰ τοῦ ἀγγέλου. λαβὼν δὲ ὁ παῖς τὴν σφραγῖδα τοῦ θεοῦ ἑσπέρας γενομένης ἀνεκλίθη εἰς τὴν κοίτην αὐτοῦ. καὶ κατὰ τὸ εἰθισμένον παραγέγονε πρὸς αὐτὸν ὁ δι-

άβολος καὶ ἀθροῶν ὁ παῖς παίει τὸν ἐχθρὸν κατὰ τῆς καρδίας μετὰ τῆς τοῦ θεοῦ σφραγῖδος. (369ᵛ) ὁ δὲ σατανᾶς ἐλεεινῇ τῇ φωνῇ ἐβόησεν· «οἴμοι, οἴμοι, πῶς καταδουλοῦμαι βασιλεῖ Σολομῶντι»; καὶ δήσας τοῦτον εἰσήγαγε πρὸς τὸν βασιλέα Σολομῶντα. καὶ θεασάμενος αὐτόν, φησί· «εἰπὲ ἡμῖν, πονηρὸν πνεῦμα καὶ ἀκάθαρτον, τίς ἐστιν ἡ κλῆσίς σου καὶ τίς σου ἡ ἐργασία»; καὶ ὁ διάβολος ἔφη τῷ βασιλεῖ· «Ὀρνίας καλοῦμαι. ἡ δὲ ἐργασία μου εἰς πάντα ἐπιτηδεία». καὶ λέγει ὁ βασιλεύς· «τίς ὁ καταργῶν τὴν δύναμίν σου ἄγγελος»; καὶ ὁ διάβολος· «ὑπὸ τοῦ μεγάλου ἀρχαγγέλου Μιχαὴλ καταργοῦμαι, αὐτός τε καὶ ἐμὴ δύναμις». καὶ ὁ βασιλεύς φησι· «δύνασαι ποιῆσαί τι εἰς τὸν ναὸν κυρίου καὶ εἰς τὴν οἰκοδομὴν αὐτοῦ χρήσιμον»; καὶ ὁ διάβολος· «δύναμαι μετὰ τῆς σφραγῖδος ταύτης ἐπισυνάξαι πᾶν δαιμόνιον ἔμπροσθέν σου καὶ ὑποτάξαι τῷ σῷ θελήματι καὶ οἰκοδομῆσαι, καὶ ἀνεγερεῖς μετὰ τῆς δουλείας καὶ ὑποταγῆς ἐκείνων τὸν ναὸν κυρίου παντοκράτορος». ταῦτα ἀκούσας ὁ Σολομὼν εὐχαρίστησε κυρίῳ τῷ θεῷ καὶ προέτρεψε τὸν Ὀρνίαν δαίμονα μετὰ τῆς σφραγῖδος καὶ τοῦ παιδαρίου ἀπελθεῖν καὶ ἐπισυνάξαι τὸν δαιμόνιον. καὶ ἀπῆλθον καὶ ἐπισυνήγαγον πάντα, καὶ εἰσῆγον ταῦτα εἰς (370) τὸν βασιλέα Σολομῶντα. ἅμα δὲ τὸ πλησιάσαι ταῦτα εἰς τὸν βασιλέα προσεκύνουν αὐτῷ. καὶ ἠρώτα ἓν ἕκαστον ὁ βασιλεὺς τῶν δαιμόνων τό τε ὄνομα καὶ τὴν ἐργασίαν καὶ ὑπὸ ποίου τῶν ἁγίων ἀγγέλων καταργεῖται. καὶ ὡμολόγουν τήν τε ἐργασίαν αὐτοῦ καὶ τὴν κλῆσιν καὶ τὸν καταργοῦντα ἄγγελον. ἐπέτρεπε δὲ αὐτὰ ἐργάζεσθαι εἰς τὴν τοῦ ναοῦ οἰκοδομήν. καὶ ἐνήργει ἓν ἕκαστον τὴν δουλείαν εἰς ἣν δὴ καὶ ἐτάχθη παρὰ τοῦ σοφοῦ Σολομῶντος. καὶ οὕτως ἦν ἰδεῖν θαῦμα ἐξαίσιον, ἄνδρας μετὰ πλήθους δαιμόνων θελήσει κυρίου ἀνοικοδομοῦντας καὶ ἐκπληροῦντας τὸν ναὸν κυρίου εἰρηνικῶς μετὰ πάσης ἐπιμελείας τε καὶ σπουδῆς, μὴ τολμώντων τῶν δαιμόνων μηδὲ τὸ τυχὸν σκανδαλίσαι ἢ ἀδικῆσαι τοὺς ἀνθρώπους. ἀπὸ δὲ τῶν ἀνδρῶν τῶν ἐχόντων ἀκριβῆ εἴδησιν εἰς τὴν τοῦ ναοῦ οἰκοδομὴν ἦλθέν [τις] εἰς φιλονεικίαν καὶ ἔριν μετὰ τοῦ υἱοῦ αὐτοῦ καὶ ἐμάχοντο ἀλλήλοις θυμοῦ πνέοντες

ἀλλήλους διασπαράξαι βουλόμενοι. ὅλος δὲ τοῦ θυμοῦ ὁ πατὴρ γεγονὼς ἀπῆλθε πρὸς τὸν βασιλέα Σολομῶντα μετὰ δακρύων καὶ ὀδυρμῶν λέγων αὐτῷ· «δέσποτα βασιλεῦ, ἢ θανάτῳ τὸν ἐμὸν καταδίκασον (370v) παῖδα ὡς ἐνυβρίσαντα παρανόμως εἰς ἐμὲ τὸν πατέρα, ἢ σαφῶς ἴσθι, ὡς οὐδέποτε κινήσω τὴν χεῖρά μου εἰς τὴν τοῦ ναοῦ οἰκοδομήν». ἀκούων δὲ ταῦτα ὁ βασιλεὺς καὶ βουλευόμενος, ἦλθε καὶ ὁ υἱὸς ἐκείνου πρὸς τὸν βασιλέα ταὐτὰ ἐγκαλῶν καὶ λέγων τῷ πατρί. διαλογιζόμενος δὲ περὶ τούτου ὁ βασιλεὺς καὶ διαπορῶν, τί ἄρα καὶ ἀποκρίνοιτο, στραφεὶς βλέπει τὸν Ὀρνίαν δαίμονα ἐργαζόμενον καὶ μειδιῶντα καὶ λέγει πρὸς τοὺς κρινομένους· «ἀπόστητε μικρὸν ἀπ' ἐμοῦ». καὶ ἀποστάντων τὸν Ὀρνίαν μετακαλεῖται καί φησι πρὸς αὐτόν· «τί γελᾷς, ὦ Ὀρνία; τὴν βασιλείαν μου καταγελᾷς ἢ τὴν κρίσιν μου, ἢ τὸν ναὸν κυρίου»; καὶ ὁ Ὀρνίας πρὸς τὸν βασιλέα λέγει· «δέσποτα βασιλεῦ, σοφώτατε καὶ δικαιότατε Σολομών. οὔτε τὴν βασιλείαν σου κατεγέλασα οὔτε τὴν κρίσιν σου οὔτε τὸν ναὸν κυρίου, ἀλλὰ τούτους τοὺς ἀθλίους τοὺς κρινομένους, τὸν δύστυχον λέγω γέροντα καὶ τὸν τούτου υἱόν. οὐ μὴ γὰρ παρέλθωσι τρεῖς ἡμέραι καὶ τὸ τέλος διαδέξεται τὸν νέον». καὶ ὁ βασιλεὺς τὸν Ὀρνίαν λέγει· «ἄπελθε καὶ ἐργάζου μετὰ σπουδῆς καὶ εἰρήνης καὶ ὑποταγῆς εἰς τὸν ναὸν κυρίου θεοῦ παντοκράτορος». καὶ ἀπῆλθεν ἀπὸ τοῦ τόπου ἐκείνου ὁ Ὀρνίας καὶ (371) ἐργάζετο. μετεκαλέσατο δὲ ὁ βασιλεὺς τοὺς δύο κρινομένους καί φησι πρὸς αὐτούς· «ἀπέλθατε καὶ ἐργάζεσθε τὸ ἔργον ὑμῶν ἄχρι πέντε ἡμέρας καὶ μετὰ ταῦτα ποιήσομαι ἀπόφασιν καὶ τέλος τῆς κρίσεως ὑμῶν». προσέταξε δὲ ὁ βασιλεὺς διορίσασθαι τὴν ἡμέραν καθ' ἣν ἔλεγον ταῦτα. παρελθουσῶν οὖν τῶν πέντε ἡμερῶν ἦλθεν ὁ γέρων πρὸς τὸν βασιλέα κατηφὴς καὶ σκυθρωπὸς καὶ δάκρυα πρὸ τῶν ὀμμάτων ἀφείς, φησί· «βασιλεῦ, τέθνηκεν ὁ ἐμὸς υἱός, τέθνηκεν καὶ οὐκ ἔστι ἴδῃς αὐτόν, ἐμὲ δὲ ἀπέλιπεν ἐν πένθει βαρυτάτῳ καὶ ὀδύνῃ καρδίας καὶ ἀφορήτῳ στεναγμῷ. οὐκέτι γὰρ βλέψω αὐτόν, οὐκέτι τὸ πρόσωπον ἐκείνου θεάσομαι. κατεκρύβη γὰρ ἐν τόπῳ ἀφεγγεῖ ἐν γῇ σκοτεινῇ ἐν γῇ ζοφερᾷ». ἐκπλαγεὶς οὖν ταῦτα ὁ βασιλεύς

φησι· «ποίαν ἡμέραν τέθνηκεν»; καί φησι ὁ γέρων· «μετὰ τρίτην ἡμέραν ἀπέθανεν ἀφότου πρὸς τὸ σὸν κράτος ἤλθαμεν». καὶ λέγει ὁ βασιλεύς· «ἄπελθε ἐν εἰρήνῃ, ὦ γέρον. κύριος δὲ ὁ θεὸς ὁ πατὴρ τῆς παρακλήσεως καὶ παραθυμία τῶν θλιβομένων παρακαλέσει σου τὴν καρδίαν εἰς τὸ μηκέτι λυπεῖσθαι. μνήσθητι γάρ, ὅτι ὁ σὸς υἱὸς ἄνθρωπος ἦν. πᾶς δὲ ἄνθρωπος θνητὸς ἦν. (371ᵛ) μὴ τοίνυν λυποῦ. οὐ γὰρ ἀνύσεις οὐδὲν ὧν βούλεσαι». ταῦτα ἀκούσας ὁ γέρων ἀπῆλθεν ἀναψυχθεὶς τὴν καρδίαν. καὶ μετακαλεσάμενος τὸν Ὀρνίαν φησί· «εἰπὲ ἡμῖν, πῶς ἐπιγινώσκεις τὸν θάνατον τοῦ ἀνθρώπου, πνεῦμα ἀκάθαρτον ὄν»; ὁ δὲ Ὀρνίας λέγει· «ἡμεῖς, δέσποτα, ἐκ τοῦ οὐρανοῦ ἐρρίφημεν κάτω καὶ ἄγγελοι θεοῦ ὄντες καὶ φῶς περικείμενοι νῦν δαίμονες καὶ ἀκάθαρτα πνεύματα καὶ σκότος, ὡς ὁρᾷς, ἐγενόμεθα. καὶ λειτουργοὶ θεοῦ τυγχάνοντες νῦν σοῦ θεράποντες καὶ ὑπουργοὶ θεοῦ κελεύοντος ριγεγενήμεθα. κάτω τοίνυν ἐξ οὐρανοῦ πεσόντες καὶ εἰς ᾅδην ριφέντες δεινῶς, πάλιν ἀνερχόμεθα εἰς τὸ κάτω τοῦ οὐρανοῦ πέταλον, καὶ τὰς τῶν ἀγγέλων ὁμιλίας ἀκούομεν καὶ ἐξ αὐτῶν μανθάνομεν τὸν τοῦ ἀνθρώπου θάνατον πρὸ τεσσαράκοντα ἡμερῶν. καὶ ἀκούσαντες τούτων ἐπιμελούμεθα καὶ ἀγωνιζόμεθα, ἵνα τούτου ἀνθρώπου θάνατον ἢ διὰ πυρὸς ἢ δι' ὕδατος ἢ διὰ κρημνοῦ οἰκονομήσωμεν, ὅπως λάβωμέν τινα ἐξ αὐτοῦ μερίδα. καὶ ἐν τῷ μὴ ἔχειν ἡμᾶς βάσιν ἀναπαύσεως ἐν τῷ πετάλῳ τοῦ οὐρανοῦ ἀνπίπτομεν ὥσπερ φύλλα ἀπὸ τῶν δένδρων, καὶ δοκοῦμεν τοῖς ἀνθρώποις ὡς ἀστέρες χυνόμενοι (374), ἵνα δοξαζώμεθα παρὰ τῶν ἀνθρώπων». καὶ ὁ βασιλεύς· «καὶ οἱ χυνόμενοι ἀστέρες καὶ δοκοῦντες ἀστέρες οὐκ εἰσι ὄντες ἀστέρες»; καὶ ὁ Ὀρνίας· «οὐχί, βασιλεῦ. οἱ γὰρ τοῦ οὐρανοῦ ἀστέρες ἀθάνατοί εἰσι καὶ ἐστηριγμένοι καὶ οὐ κινοῦνται». καὶ ἀκούσας ταῦτα ὁ βασιλεὺς ἀπέλυσε τὸν Ὀρνίαν εἰς τὸ ἔργον αὐτοῦ ἐργάζεσθαι.

Οἰκοδομεῖτο δὲ ὁ ναὸς καὶ πάντες οἱ βασιλεῖς τῆς γῆς καὶ οἱ ἄρχοντες τῶν τιμίων καὶ βασίλισσα Νότου ἡ σοφὴ Σιβύλλα καὶ αὐτὴ ἦλθε θεάσασθαι τὸν ναὸν κυρίου καὶ εὐσέφερε καὶ αὐτὴ εἰς τὴν οἰκοδομὴν τοῦ ναοῦ ξύλα πολυτελῆ καὶ ἀξιόλογα. ἀπέ-

στειλε δὲ ὁ βασιλεὺς Ἀράβων ἐπιστολὴν πρὸς τὸν βασιλέα Σολομῶντα καὶ διελάμβανεν οὕτως· «βασιλεῦ Σολομών, χαίροις. γινωσκέτω ἡ βασιλεία σου, ὅτι εἰς τὴν ἡμῶν χώραν οἰκεῖ χαλεπὸν δαιμόνιον δυνατὸν καὶ κατὰ τρεῖς ἡμέρας ἀναγείρει ἄνεμον ἰσχυρὸν καὶ ἐκριζοῖ οἰκίας καὶ δένδρα καὶ βουνοὺς καὶ ἀνθρώπους ἀπόλλυσι ρίπτων τούτους εἰς κρημνοὺς καὶ εἰς ὕδωρ καὶ εἰς πῦρ. εἰ οὖν βούλει τὸ σὸν κράτος, ἀπόστειλον καὶ ἐξάλειψον καὶ ἐξολόθρευσον τοῦτον (374ᵛ) ἀπὸ τῆς τοιαύτης χώρας. εἰ οὖν τοῦτο ποιήσει ἡ βασιλεία σου, εἰσενέγκομεν εἰς τὴν τοῦ ναοῦ οἰκοδομὴν τάλαντα χρυσίου καὶ ἀργυρίου καὶ χαλκοῦ ἑκατὸν εἴκοσι πέντε. ἀναγνοὺς οὖν τὴν ἐπιστολὴν ὁ βασιλεὺς ἐνετείλατο τῷ παιδαρίῳ τῷ ἔχοντι τὴν σφραγῖδα τάχιστα καταλαβεῖν πρὸς αὐτόν. καὶ ἐλθόντος φησί, ὅτι «τάχιστα ἄπελθε εἰς τὸν τῶν Ἀράβων βασιλέα καὶ λαβὲ μετά σου τὴν σφραγῖδα καὶ κάμηλον μίαν τὴν ταχίστην καὶ ἀσκὸν καινὸν καὶ δειξάτω σε τὸν τόπον ἔνθα πνεῖ τὸ πονηρὸν πνεῦμα. καὶ καταλαβὼν τὸν τόπον ἐκεῖνον, ἐπίθες τὸν ἀσκὸν ἀνεῳγμένον ἔχον τὸ στόμα αὐτοῦ πρὸς τῇ ὀπῇ τοῦ φωλεοῦ καὶ παρατήρει τὴν ἡμέραν ἐν ᾗ ἐξέρχεται τὸ πονηρὸν πνεῦμα. καὶ ὅταν ἴδῃς τὸν ἀσκὸν πλησθέντα δίκην ἀνέμου, ἀσφάλισαι μετὰ τοῦ δακτυλίου τὸ στόμα αὐτοῦ τοῦ ἀσκοῦ καὶ ἐπίθες αὐτὸν εἰς τὴν κάμηλον καὶ κατάλαβε ταχέως πρὸς ἡμᾶς». καὶ ἀπῆλθε τὸ παιδάριον καὶ ἐποίησε πάντα κατὰ τὴν θέλησιν τοῦ βασιλέως Σολομῶντος. (373) ἐπαναστρέφοντος δὲ αὐτοῦ λέγει τὸ δαιμόνιον· «ἄνοιξόν μοι, ὦ παιδίον, καὶ ἐπιδείξω σοι τόπον, ἐν ᾧ κέκρυπται ὁ πράσινος λίθος καὶ τὸ χρυσίον τὸ τίμιον». τὸ δὲ παιδίον λέγει· «ἀπέλθωμεν πρῶτον πρὸς τὸν βασιλέα καὶ μετὰ ταῦτα αὐτοῦ κελεύοντος ποιήσομεν». ὡς δὲ τὴν ὁδὸν ἤνυσαν καὶ τὸν τόπον κατέλαβον ἐν ᾧ ἦν πεσὼν ἐκ τῆς καμήλου ὁ ἀσκὸς προσεκύνη(σε) ἄνω καὶ κάτω φερόμενος τὸν Σολομῶντα. ὁ δὲ βασιλεύς φησι· «τίς εἶ καὶ τί σοῦ τὸ ὄνομα»; ὁ δέ φησι· «δαιμόνιόν εἰμι Ἐφίππας καλούμενος». καὶ λέγει αὐτῷ· «δύνασαι ποιῆσαί μοί τι χρήσιμον»; καὶ ὁ Ἐφίππας· «δύναμαι ἆραι τὸν λίθον τὸν ἀκρογωνιαῖον, ὃν ἀπεδοκίμασαν ἄνθρωποί τε καὶ δαίμονες, καὶ θεῖναι τοῦ-

τον εἰς κεφαλὴν γωνίας». καὶ ὁ βασιλεὺς προέτρεψε τὸν Ἐφίππαν ποιῆσαι ταῦτα. καὶ ἐποίησε τοῦτο ὁρώντων πάντων τοῦ τε βασιλέως καὶ τῶν περιεστηκότων ἀνδρῶν. ἔκθαμβος δὲ γενόμενος ὁ βασιλεὺς ἤρετο τὸν Ἐφίππαν· «εἰ γινώσκεις καὶ ἕτερον πνεῦμα ὅμοιον αὐτῷ»; καὶ λέγει ὁ Ἐφίππας· «ἔστι, βασιλεῦ, καὶ ἕτερον πνεῦμα (373ᵛ) ἐν τῇ Ἐρυθρᾷ θαλάσσῃ καθήμενον καὶ ἔχον ἐν ἑαυτῷ τὸν πορφυροῦν κίονα». καὶ λέγει ὁ βασιλεύς· «ἄπελθε μετὰ τῆς σφραγῖδος καὶ ἄγαγέ μοι αὐτὸν ὧδε». ἀπελθὼν δὲ ὁ Ἐφίππας μετὰ τῆς σφραγῖδος καὶ ἀνασπάσας αὐτὸν ἤγαγεν αὐτόν τε καὶ δαίμονας δύο βαστάζοντας τὸν κίονα καὶ φέροντας τοῦτον εἰς τὸν ἀέρα. ἰδὼν δὲ ταῦτα ὁ βασιλεὺς καὶ ἔκθαμβος γενόμενος ἐκέλευσεν αὐτοῖς βαστάζειν τὸν κίονα καὶ κρεμάσθαι εἰς τὸν ἀέρα μέχρι τῆς συντελείας τοῦ αἰῶνος καὶ μὴ ῥῖψαι τοῦτον ἐπὶ τῆς γῆς ποτέ, μήπως λύμην τῷ τῶν ἀνθρώπων προξενήσωσι γένει. πάλιν οὖν ὁ βασιλεὺς πρὸς τὸν Ὀρνίαν λέγει· «ἔστι καὶ ἕτερον δαιμόνιον»; καὶ ὁ Ὀρνίας λέγει· «εἰσὶ μὲν πολλά, ὦ βασιλεῦ. ὑπάρχει δὲ ἀπὸ τούτων ἕν, μεγίστην κεκτημένον τὴν δύναμιν». «ποῖον δὲ τοῦτο» — φησὶ ὁ βασιλεύς — «καὶ τίνα μεγίστην ἔχει τὴν δύναμιν καὶ τί τούτῳ τὸ ὄνομα»; ὁ Ὀρνίας λέγει· «Σαμαὴλ τὸ ὄνομα, ὦ βασιλεῦ, ἄρχων δὲ τοῦ τῶν δαιμόνων ὑπάρχει συστήματος καὶ συμφέρον σοι ὑπάρχει, ὦ βασιλεῦ, τοῦ μὴ ἰδεῖν αὐτόν». καὶ ὁ βασιλεύς· «μηδέν σοι (372) περὶ τοῦτο μελέτω, πονηρὸν καὶ ἀκάθαρτον πνεῦμα, ἀλλὰ λαβὼν τὴν σφραγῖδα ἄγαγέ μοι αὐτὸν ὧδε κατὰ τάχος». λαβὼν δὲ ὁ Ὀρνίας τὴν σφραγῖδα τοῦ θεοῦ ἀπῆλθε τὸ τοῦ βασιλέως πληρώσων θέλημα. ὁ δὲ Σολομὼν ἐπὶ θρόνον καθήμενος ἦν τῷ τῆς βασιλείας κεκοσμημένος στέμματί τε καὶ διαδήματι καὶ τὸν Ὀρνίαν μετὰ τοῦ Σαμαὴλ ἐκδεχόμενος σκῆπτρόν τε τὸ βασιλικὸν ἀνὰ χεῖρας εἶχεν. ἐλθόντων δὲ τοῦ τε Σαμαὴλ καὶ τοῦ Ὀρνία πρὸς τὸν βασιλέα, φησὶν ὁ βασιλεὺς πρὸς τὸν Σαμαήλ· «τίς εἶ καὶ τί σου τὸ ὄνομα»; ὁ δέ φησι· «Σαμαὴλ κέκλημαι, ἄρχων δὲ τοῦ τῶν δαιμόνων ὑπάρχω συστήματος». καὶ ὁ βασιλεύς· «δύνασαι ποιῆσαί μέ τι»; ὁ δέ φησιν· «δύναμαι ἐμφυσῆσαί σοι καὶ ἀπαγαγεῖν σε εἰς τὸ ἔσχατον

τῆς γῆς». καὶ ἅμα τῷ λόγῳ ἐνεφύσησεν αὐτὸν καὶ ἀπήγαγεν εἰς τὰ ἔσχατα τῆς γῆς. διεφημίζετο δὲ ἡ φήμη τοῦ βασιλέως εἰς πάντα τὰ πέρατα τῆς γῆς. καὶ προσκυνοῦντες ἦσαν αὐτῷ πάντες οἱ βασιλεῖς τῆς γῆς καὶ οἱ ἄρχοντες καὶ χορηγοῦντες εἰς τὴν τοῦ ναοῦ οἰκοδομήν. τῷ δὲ καιρῷ ἐκείνῳ ἐρρητόρευσε τὸ ᾆσμα τῶν ᾀσμάτων καὶ ἔλεγεν οὕτως· «ἐκτησάμην βασιλείαν, ἐκτησάμην ᾄδοντας καὶ ᾀδούσας». καὶ καταλέξας τὰ πάντα τέλος ἐπάγει· «τὰ πάντα δὲ ματαιότης ματαιοτήτων τὰ πάντα ματαιότης». ἔλεγε δὲ καὶ τοῦτο· «πάντων τῶν γραμμάτων ἄρχει τὸ χ̅». εὐδοκίᾳ δὲ θεοῦ διεσώθη Σολομὼν εἰς τὰ αὐτοῦ βασίλεια. καὶ οἰκοδομεῖτο ὁ πάνσεπτος ναὸς τοῦ θεοῦ. οἰκοδομεῖτο δὲ πάντα κατὰ μίμησιν τῆς ἄνω τάξεως. ὑπῆρχον τὰ χερουβὶμ καὶ τὰ σεραφὶμ καὶ τὰ ἑξαπτέρυγα, ὄπισθεν δὲ θυσιαστηρίου τὰ πολυόμματα καὶ οἱ θρόνοι καὶ αἱ κυριότητες. ἄρρητον δὲ τὸ κάλλος τοῦ τοιούτου ναοῦ καὶ ἀνερμήνευτον καὶ τοιοῦτον οἷον οὔτε ἐγένετο οὔτε γενήσεται.

50к.